

ВОЕННО-КОСМИЧЕСКАЯ
ФАНТАСТИКА

ЧЕРТОБОЙ

СВОИ СРЕДИ ЧУЖИХ

СЕРГЕЙ ШКЕНЕВ

Сергей Шкенёв

Чертобой. Свои среди Чужих

«Махров»

2012

Шкенёв С. Н.

Чертобой. Свои среди Чужих / С. Н. Шкенёв — «Махров», 2012

Он заслужил почетное прозвище ЧЕРТОБОЙ как лучший охотник за инопланетными тварями, захватившими Землю и превратившими наш мир в кормушку для молодняка. Он не только выжил сам и спас семью во время вторжения, но стал защитником целого поселка, который держит оборону и от космических, и от двуногих хищников. Ведь свои порой хуже Чужих, а озверевшие люди (вернее, нелюди: мародеры, бандиты, людоеды, захватившие власть после краха цивилизации) куда опаснее инопланетного зверья. И его главный бой – не против космических «чертей», а против земных «бесов»...

© Шкенёв С. Н., 2012

© Махров, 2012

Содержание

От автора:	6
Пролог	7
Где-то в глубинах космоса. 22 февраля 2098 года	7
Земля. Императорская резиденция «Дуброво». 3 августа 2103 года	9
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сергей Шкенеv

Чертобой. Свои среди Чужих

Автор выражает благодарность литературному форуму «В вихре времен» за помощь и поддержку.

© Шкенёв С.Н., 2012

© ООО «Издательство «Яуза», 2012

© ООО «Издательство «Эксмо», 2012

От автора:

Я, честно признаться, не кровожадный человек, хотя на некоторых страницах этой книги кровища лужами собирается. Это так, антураж.

И я не верю в наступление Апокалипсиса, во всяком случае – очень не хочу верить. И пусть он лучше произойдет там, в придуманном мной мире, чем однажды проснемся и... Если кто проснется.

А мы будем жить. Ведь мир жив, пока живы его последние защитники. Дай Бог, чтобы наши правнуки не стали даже предпоследними в этой очереди.
С уважением к читателям – автор.

Мы всматривались в бездну, бездна всматривалась в нас... а потом она улыбнулась в ответ.

(Из отчета секретной лаборатории по исследованиям бездны)

Пролог

Где-то в глубинах космоса. 22 февраля 2098 года

– Доложите о потерях, товарищ генерал-майор. – Голос командующего Первым Земным Флотом вице-адмирала Александра Николаевича Саргаева был сух и официален. А то, что его подчиненный является младшим братом, на дело никак не влияет.

Командир истребительной группировки коротко кивнул и вывел данные на виртуальный экран. Впрочем, сам он туда не заглядывал, отчитываясь по памяти:

– На дальних подступах к планете противника нас атаковали автоматические станции – пользуясь неизвестными пока технологиями, они оставались незамеченными в поясе астероидов и смогли сделать два залпа.

– Оружие все то же?

– Самонаводящиеся торпеды, импульсные пушки и, скорее всего, что-то электромагнитное. Разобраться не успели, товарищ вице-адмирал... мои орлы разнесли все к чертовой матери до микроскопических обломков, так что инженерам еще придется поломать голову.

– Не отвлекайся. Потери?

– Двадцать две машины. Три экипажа так и не катапультировались.

Александр Николаевич нахмурился. Хотя и привык за долгие восемьдесят лет непрерывающейся войны к тому, что с заданий возвращаются не все, но людей жалко. И не только людей – экипажи истребителей земного флота состояли из человека и зверя. Последние, в силу лучшей реакции и чуть больших способностей к телепатии, почти всегда являлись пилотами. Редкие исключения, такие как сам адмирал или знаменитый Белый Зверь, летавшие в одиночку, лишь подтверждали общее правило.

– Вечная память им, Серега...

Младший брат опять кивнул и продолжил:

– Орбитальные крепости, все двенадцать штук, подавим в ближайшие дни.

– Обещаешь? – Командующий забарабанил пальцами по столешнице.

– Там тупая и безмозглая автоматика. Ты же знаешь, что «хозяева» не любят рисковать собственными задницами.

– Угу, – согласился старший.

Он хорошо помнил мясорубку на самой первой планете, куда земной флот пришел с акцией возмездия. Десант умылся кровью, встретив отчаянное сопротивление, но среди оборонявшихся оказались лишь роботы и боевые машины, пилотируемые клонированными бойцами, из многочисленных колоний противника. И ни одного жителя метрополии... Их так никто и не видел – в мозгах захваченных живыми пленными стоял мощнейший блок, а потом, после бомбардировки, допрашивать стало некого. Земляне ушли на поиски очередного вражеского логова, оставив после себя запекшуюся пустыню.

– Высаживаться, надеюсь, не планируете?

– Чтобы императрица за непослушание уши оборвала?

– Она может... – Вице-адмирал и генерал-майор рассмеялись – старшая сестра не посмотрит на чины и эполеты, они для нее всю жизнь остаются младшими, которых обязательно нужно воспитывать. – Так что никаких десантов.

– А если...

– Постарайся обойтись без «если». Хватит воевать... Не мы начали, но нам эту войну заканчивать.

– Уничтожением противника?

– Врага, Серега... врага!

Земля. Императорская резиденция «Дуброво». 3 августа 2103 года

Молчание иногда говорит больше слов. И чаще всего – откровеннее. Сейчас в нем грусть и горечь, чуточку ослабленные терпким привкусом времени. Грусть и горечь, которые чувствуются на пересохших губах и не смываются маленькими глотками старинного коньяка.

И тишина. Пение жаворонков в выцветшей синеве и стрекотание кузнечиков не нарушают ее, они часть той тишины. Как и ветер, пытающийся нахулиганить, но смущенно стихающий, едва коснувшись третьего стакана на столе – накрытого куском ржаного хлеба.

– Давай, вздрогнули! – Высокая даже в кресле, пожилая, но все еще красивая женщина встала первой. В такт движению качнулась переброшенная через плечо длинная русая коса с заплетенной в нее жемчужной нитью.

– Давай! – согласился седой мужчина с крестообразным шрамом на щеке, сидевший напротив нее, и тоже встал. – Мы помним и любим!

Выпили одновременно, похожими скупыми движениями.

– Сколько же лет прошло, Лен?

– А ты не помнишь?

– Помню, только до сих пор не могу поверить, что давно стал старше.

– Второе.

– Да.

Опять молчание, только чуть шелестят листья кустов, закрывающих накрытый в саду стол от нескромных взглядов. Солнечные зайчики, пробивающиеся сквозь старые яблони, играют друг с другом в догонялки, перепрыгивая с парадных эполетов седого мужчины на его пашку в потертых ножнах и с простой, без украшений, рукоятью.

– Садись. – Еле слышно скрипнули плетеные кресла. – Ты сам-то как?

– Я писал.

– Писал? – Женщина усмехнулась. – Андрей, это свинство, называть официальные рапорты и доклады письмами.

– Но...

– Молчи! Родной брат, называется. Неужели нельзя черкнуть пару строчек просто о себе? Даже о рождении твоих правнуков узнаю из сети.

– А сама?

– Моя жизнь и так у всех на виду, как на подиуме. Что там может быть нового?

– Так я в прошлом году все рассказывал... и в позапрошлом. Между прочим, меня жена видит реже, чем ты.

– Ругается?

– Пока нет.

– Повезло... а мой ворчит постоянно, да еще ревновать начал.

– Даешь повод?

– С ума сошел? Мы, Саргаи, однолюбы. Тем более – не в моем возрасте давать какие-либо поводы.

– Надо было мужа себе с детства воспитывать.

– Смейся, воспитатель хренов. А кого твоя Танька до пяти лет мамой называла?

– Так война...

– Ага, а у остальных только балы с маскарадами. Кстати, почему Сашке отпуск не даешь?

– Сам не хочет.

– Все ищет последнюю?

– В найденных на кораблях документах четко сказано – четыре планеты.

- И на трех после вашего визита даже в океанах жизни не осталось...
- Предлагаешь вызывать на дуэль?
- Нет, но все же как-то не по себе.
- Стареем, сестренка. Стареем и становимся добрее. Внуки, что ли, так действуют?
- Я похожа на старуху? – Женщина преувеличенно укоризненно покачала головой.
- Ну что вы, Ваше Императорское Величество, даже звезды меркнут перед вашим великолепием.
- Льстите, товарищ генерал-адмирал? Грубо, гнусно и свински льстите.
- А уши тебе не надрать?
- За что?
- За все! И не груби старшему брату!

Оба рассмеялись, и вместе со смехом уходили потихонечку грусть и горечь давней потери. Они вернутся, вернутся через неделю, через месяц... будут напоминать о себе ежедневно... пусть.

Но пройдет год, опять появится стол в этом саду, и тишина встанет часовым у простого граненого стакана, накрытого горбушкой ржаного хлеба. Так будет всегда. Так будет везде. Сегодня – День Чертобая-старшего.

А начиналось все давным-давно...

Глава 1

– Слева двое, – шепот идущего сзади Андрея прозвучал неожиданно громко и заставил внимательнее всмотреться вперед.

Ага, теперь и сам вижу: пара тваренышей затаилась под старой ольхой в самом начале насыпи. Значит, где-то рядом еще один. Такое ощущение, что в этом году гадины значительно поумнели и сменили тактику – если в прошлые годы они предпочитали охотиться в одиночку, то сейчас группируются в тройки. И так с начала весны. Тревожный звонок... Какая пакость ожидает нас в ближайшем будущем? Гадство... И крупнее стали. Серая короткая шерсть лоснится... Отожрались? Но где?

– Задницу мне прикрой.

– Хорошо, пап. – Сын согласно кивает и, присев на одно колено, кладет перед собой здоровенный тесак.

Осторожный он у меня. Правильный. Впрочем, другие здесь и не выживают. Точнее сказать, другие вообще нигде не выжили. Схарчили их твареныши на первое, второе и третье.

– Готов? Работаем! – Я сделал быстрый шаг вперед, и звери, спровоцированные резким движением, бросились.

Размером с крупную кошку, они отличались завидной прыгучестью. Сволочи... Первого снял выстрелом в упор, тут же за спиной бабахнула двустволка Андрея и послышалась сдавленная ругань. Оборачиваюсь – последний перемахнул через меня и сейчас повис у сына на спине, пытаясь добраться до шеи сквозь кольчужный воротник.

– Замри! – Широкий тесак перерубил бестию пополам, стукнув о пластины бронежилета. – Ты как?

– Вроде бы не достал... Расцепишь?

– Ага... пригнись чуток.

Челюсти поддавались с трудом, несмотря на то что голова твареныша висела, а туловище валялось в дорожной пыли отдельно от нее. Это почти всегда так – иной раз приходится выбивать застрявшие зубы и вытаскивать их уже дома по одному. Если, конечно, повезет и они не доберутся до тела. Тогда есть часа полтора на то, чтобы вырезать зазубренные клыки из раны. Потом поздно – стремительно начинающееся разложение не оставляет ни одного шанса. Сколько так народу в первый год потеряли...

– Осторожнее, пап, – попросил Андрей, когда тесак, откованный мной из старой «уазовской» рессоры, заскрежетал по воротнику.

– Что такое?

– Не поломай, в Грудцино сменяем на что-нибудь.

Узнаю родную кровь – такой же хозяйственный. А что, дело неплохое, за целую, не разбитую башку можно выручить литр бензина или два патрона двенадцатого калибра. Хотя с тамошнего председателя и три стрясти не грех, все равно у него порох говеный и навеска маловата. Не иначе сам снаряжает. Да нам и такие сойдут, самошлепные, не по тарелочкам на призы стрелять.

– Не вертись, говорю! – Трофей упал под ноги. – Точно не прокусил?

– Не-а. – Сын покрутил головой и достал из кармана полиэтиленовый пакет. – Других посмотрим? Я-то своего, кажись, только понизу зацепил.

Кажись, блин! Вот из-за такого «кажись» месяц назад в рейде на Ворсму Валерка Мыш погиб – недобитый твареныш забился под печку и ночью попросту перегрыз ему глотку. Считай, повезло... обычно с живота жрать начинают. Хотя чего это ворчу? А сам? Упустил последнего? Как сопливый пацан... Расскажи кому, так не поверят – Чертобой-старший умудрился не заметить зверушку, проскочившую над головой!

– Сейчас глянем.

Но сначала зарядить ружье. В нынешние времена это первейшее дело – можно про обед забыть, но не про пустой второй ствол. Нынешние... поганые, честно скажу, времена... Ладно, чего рассопливился, старый пень? Тебе еще как медному котелку... Пока детей на ноги не поднимешь. Своих и чужих. Да и те, пожалуй, давно своими стали.

– Ну, показывай.

Да, действительно, Андрей своего зацепил краешком. Но качественно – задние лапы с половиной брюха оторваны начисто. Ну и хрен с ними, все равно там ничего ценного нет. А вот башка пригодится – из слюнных желез тваренышей варят «ведьмино зелье». Название для новичка звучит страшновато, но на самом деле это обычное противоядие от укусов зверей. Именно оно и позволяет продержаться те самые полтора часа. Иначе – жопа, полная и неотвратимая. Вопреки расхожему мнению, твари редко заедают свою жертву сразу, предпочитают подождать несколько минут, когда яд парализует добычу, но еще не убьет окончательно. И вот тогда у живого... Неподвижного, но все осознающего... Насмотрелся я таких...

– Тару подставляй. – Еще одна голова упала в мешок. – Моего потрошить будем?

Последний отыскался уже за дорожной насыпью, там как раз грунтовка выходила на асфальт, и твареныш лежал на обочине, немного не долетев до зарослей чертополоха.

– После тебя его только на котлеты, в сухарях еще обвалить, – прокомментировал сын удачный выстрел.

– При матери такое не ляпни!

– Что уж я, совсем без понятия? – усмехнулся Андрей.

Да, сейчас можно смеяться... но только между собой. Вот в первую зиму было вовсе не до смеха, особенно ближе к весне, когда из всех продуктов осталась только картошка да несколько мешков зерна – что успели заготовить на полях до холодов. Мы вставали на лыжи и уходили на охоту за зайцами. Так, во всяком случае, говорили, принося домой освежеванные тушки. Если снять шкуру и отрубить голову с лапами, то заяц как заяц. Вкус, конечно, гадостный, но многие ли пробовали раньше, чтобы теперь сравнить? Ружей у нас тогда не было – первое удалось разыскать позднее, когда набрались храбрости дойти до Солонского. А потому ловили тваренышей на живца. Впрочем, бывали моменты, когда живцами становились оба – и я, и Андрей. Раз зажали нас в ложбинке, в аккурат на стыке Павловского и Богородского районов... Это по-старому, нынче-то какие на хер районы... Чуть отмахались самодельными саблями против двух десятков. Но ни до того, ни после они в стаи никогда не собирались – наверное, от бескормицы, как раз за неделю прошли три сильных снегопада, и немногие уцелевшие за зиму люди нос на улицу не высывали. А в лесу давно все прижрали – кабаньих следов не видели ни разу. Кстати, и остальных. Просто не повезло тогда. Или повезло, кто знает.

После того побоища стало чуть полегче, да и кое-какая уверенность в своих силах появилась. И иммунитет к яду... Так уж получилось – они хотели сожрать нас, мы сожрали их... Выжил сильнейший. Такое вот поганое житие.

– Пошли? – Андрей пнул растерзанную тушку носком сапога.

– Погоди, хоть железы вырезать надо.

– Да ну их... пачкаться из-за мелочи.

Нет, поторопился я, называя его хозяйственным. Эх, молодость! Нет еще здорового кулизма, который заставляет думать о будущем, не обязательно светлом, складывать патроны в заветный сундучок дочери на приданое, запрещает выбрасывать стреляные гильзы и сломанные лопаты. Сейчас нет и не должно быть такого слова – мелочь. Да, сегодня она и на фиг не нужна, а завтра какой-нибудь сраный дополнительный патрон спасет собственную задницу.

Аккуратно, стараясь не забрызгаться, разрубаю голову твареныша пополам. Брезгливости давно уже нет, но в Грудцино люди мнительные, и заляпанного кровью промурыжат на воротах не меньше часа, заставляя пройти таинственную дезинфекцию. В чем она заключается, так

никто и не знает, потому что после сидения взаперти на КПП все равно выпускают, но когда в селе единственная действующая больница на всю округу... Выпендриваются. Андрей тоже помнит о возможной тягомотине и уже снял куртку, надетую поверх бронежилета. Но с собой не взял – ровно сложил и придавил камнем у обочины. Все правильно, заберем на обратном пути, здесь воровать просто некому.

– По сторонам поглядывай!

– Да ладно, пап, чай, не в городе, где они толпами ходят.

– И все равно...

Это я уже из вредности – пусть хоть чем-нибудь займется, пока добычу потрошу. Тут действительно все охотничьи территории поделены, и еще пару дней будет относительно безопасно. Если только... Нет, о таком варианте событий даже думать не хочется.

– Андрей, ножик дай, пожалуйста.

– А чего моим? – возмущается сын, но тянет из-за голенища сапога финку.

Знаю, жалко. Только нам еще шлепать туда-обратно километров сорок, и даже если пообедаем у дяди Вани в Грудцино, то все равно придется останавливаться на привал. Один нож оставим чистым – хлеб резать.

Вот они, эти железы – узкое лезвие с легким хрустом разрезает нёбо твареныша. Там, почти вплотную к верхней челюсти, два твердых шарика размером с лесной орех. Так было почти всегда, за исключением...

– Бля-а-а... пустые!

Это могло означать только одно – с утра твареныши успели кого-то сожрать. Вот задница... До нашего поселения здесь километров пять, Фроловское и Полянское опустели в первый год после Нашествия, значит... Или кого-то из наших, или гусевских задрали – больше некого.

– Давай связь.

Но Андрей и без напоминаний снял с пояса рацию:

– База, ответь Чертобойам.

– Сотский слушает! – почти сразу же послышалось в ответ. – Что у вас? Вы где?

– Вышли с грунтовки на асфальт, взяли две с половиной головы, все пустые.

– Мать!!! – прохрипела старенькая китайская «Моторола». – Дай отца.

– На связи. – Я взял аппарат. – Валера, наши все на месте?

– Вроде бы все, Михалыч, – в голосе председателя звучали сомнения. – Четверых только послал на озеро сети проверять. Но сам же знаешь – твареныши в воду не полезут.

– Давно ушли?

– Сразу после вас. Думаешь, по дороге перехватили?

– Хрен знает. Связь с ними есть?

– Откуда...

Да, действительно, у нас на все поселение шесть раций. Одна всегда наша, еще дома у Ольги, а четыре оставшиеся обычно достаются группам прикрытия полевых. Там не меньше двадцати человек одновременно выходят, так что рыбакам просто не достанется. Это зимой, когда заморную щуку из-под льда берут, еще может быть, но не сейчас.

– Ладно, Валер, заглянем на озеро по пути. Вроде бы выстрелов не слышали. Они с оружием?

– Из серьезного – только у твоей Ленки «Сайга», а остальные с «калашами».

Блядь... час от часу не легче! Мало того, что младшая дочь на рыбалку отправилась, так еще и в сопровождении почти что безоружных. Это против человека автомат Калашникова является весомым аргументом, но попробуйте из него остановить нападающего звереныша. Не спорю – очередь из весла калибром 7,62, три десятка которых сменяли у вояк из Шумиловской дивизии на десять тонн картошки, разорвет зверя на клочки, но попробуй, бля, попасть!

Именно поэтому мы давно предпочитаем обыкновенные охотничьи ружья – дуплетом порой удавалось зацепить всю тройку.

– Валера, – прошу Сотского, – предупреди дядю Ваню в Грудцино, что мы задержимся и будем выходить со стороны Болдырево.

– Добро, – откликнулся председатель и, прежде чем отключиться, предложил то, о чем я и сам хотел попросить: – Ольге пока не скажу.

– Спасибо, Валер...

– Да чего там...

Выключаю рацию и протягиваю Андрею. Он в нашей семейной паре штатный радист – зря, что ли, перед армией успел радиотехнический колледж закончить. Правда, мой стаж радиолюбителя-коротковолновика уже за тридцатник перевалил – помню, как юным пионером на коллективной станции УКЗТАГ, что в бывшей пожарной каланче на улице Глеба Успенского, связывался с олимпийской Москвой. И даже карточки-подтверждения до сих пор дома лежат.

Дома... где он теперь, наш дом? Так и придется дожить жизнь вечным дачником.

– К озеру идем? – уточнил Андрей и вытряхнул из пакета бесполезные головы тваренышей.

– Угу... – Я пнул одну башку, которая даже мертвая зло смотрела остекленевшими глазами и скалила пасть. – Готов?

– Как пионер.

Он уже не застал юных ленинцев, родившись за год до развала СССР, но имел в виду именно это, старое значение. Нынешняя пионерская организация в поселении – всего лишь попытка хоть как-то упорядочить буйное и опасное любопытство подрастающего поколения. И научить выживать.

Чтобы попасть к озеру, нам нужно было вернуться километра на два назад. Там, по краю заросшего оврага, уходила грунтовка на Болдырево, такую же заброшенную деревню, какой было когда-то и наше Дуброво. Если по прямой, как вороны летают, то ходу не больше пятнадцати минут, вот только прямые дороги сейчас гарантированно заканчиваются в желудках у тваренышей. Невысокий березняк, за три года заповолинивший необработываемые поля, идеальное место для их охоты. Нельзя, конечно, сказать, что толпами ходят, все-таки повыбили изрядно, но лучше не соваться.

Через полчаса будем на месте, быстрее все равно нельзя. Зрение у зверей чем-то напоминает лягушачье – видят только движущиеся объекты, а любой резкий жест или быстрый шаг провоцирует на нападение. Правда, в отличие от лягушек, обладают великолепным нюхом, и если уж добыча попала на глаза, дальше могут преследовать по запаху.

Болдырево встретило нас привычной тишиной, только ветер шумел в вершинах старых тополей. Все, как всегда – покосившиеся бревенчатые домики под четырехскатными крышами и жестяными голубками на них смотрят на улицу темными пустыми окнами, лишь кое-где заколоченными листами ржавого железа. Деревня умерла давным-давно, в семидесятые, и причиной тому стало стихийное бедствие, известное как «укрупнение колхозов». Много таких в округе – если посмотреть на карту, то найдешь не меньше двух десятков только в Павловском районе, с обозначенными пунктиром дорогами между ними. Впрочем, именно относительная безлюдность и позволила нам пережить самое начало Нашествия, когда не только в городах, но и в более-менее населенных местах творился ад.

Я шел чуть впереди, контролируя левую сторону, так как правый глаз до сих пор плохо видел после встречи с залетными мародерами. И такое у нас бывает – люди злейшие из хищников, а посеченная осколками морда еще не самый худший вариант при взрыве гранаты в тесном помещении. Андрей привычно отстал шагов на пять, прикрывая спину, и постоянно оглядывался, как летчик-истребитель времен Великой Отечественной.

Единственная улица нырнула под горку и закончилась. Можно вздохнуть с облегчением. Но и расслабляться рановато – вот здесь на повороте, где густые заросли терновника выходят чуть ли не на дорогу, неделю назад тройка тваренышей устроила засаду. Нет, однозначно этим летом зверье стало умнее.

Сегодня обошлось без сюрпризов. Внизу показалось длинное, вытянутое с юга на север озеро, название которого я не удосужился узнать и в более спокойные времена. Озеро и озеро, одно из немногих в области, куда не попал вездесущий ротан. Потому здесь еще оставалась нормальная рыба – щука, карась, окунь. Немалое, между прочим, подспорье в нашем хозяйстве. От воды потянуло свежестью, чуть приправленной запахом тины. Тишина и благолепие, даже жаворонки в безоблачном небе.

И тут же, разрушая идиллию, впереди бабахнул узнаваемый выстрел «Сайги». Сразу же за ним несколько автоматных очередей, длинных, на половину магазина.

– Стой! – Я успел перехватить рванувшегося вперед Андрея. – Не бежать!

– Но там же...

– Знаю. Пока стреляет – жива.

В подтверждение моих слов карабин выстрелил дважды, потом, после короткой паузы, еще раз. Молодец девчонка! А вот автоматчики нервничают, только один бьет короткими, остальные садят почем зря.

– Берем правее.

Озеро почти со всех сторон окружено зарослями камыша вперемешку с ольховником, и только в одном месте, где встречаются два оврага, крутой берег отступает от воды, образуя длинный и широкий пляж. Нам туда – нашим рыбакам больше негде накачать надувные лодки и перебрать сети. И как раз оттуда доносятся выстрелы.

– Справа!

Среагировать не успеваю – Андрей бьет с двух стволов, сняв на лету бросившегося с пригорка твареныша.

– Да чтоб...

Еще один с громадной скоростью несется прямо на нас. Его снес в упор и кручу головой – где-то должен быть еще один.

– Слева!

– Вижу! – Третий твареныш ползет по траве, волоча задние лапы и оставляя за собой кровавую полосу. Это, видимо, от него отвлекали внимание предыдущие. Странно, никогда не замечал раньше у зверей способности к самопожертвованию.

Сын добивает подранка тесаком и отшвыривает в сторону:

– Автоматная пуля.

– Ага...

Следующий пригорок обходим осторожно, и вот уже за ним пляж...

– Мать за ногу!

Я тоже такого раньше не видел – не меньше сотни тваренышей собралось на берегу. Рыбаки, слава богу, успели спустить лодки на воду и сейчас лупят со всех стволов. А чуть в стороне десятка два хищников собирают из веток какое-то подобие плота – и этого еще ни разу не приходилось наблюдать.

– Бей по тем строителям!

– Понял! – Андрей опять саданул дуплетом. Знает, что я всегда стараюсь держать один ствол в запасе, и он успеет перезарядить ружье.

Рыбаки с лодок тоже перенесли огонь на новую цель, только Ленка, восторженно что-то крича, продолжает обстреливать берег прямо перед собой, где из-за скопившихся в одном месте тваренышей промахнуться было невозможно. Безбашенная девчонка – в двенадцать лет собственная смерть кажется чем-то нереальным и фантастическим, а жизнь – увлекательным,

хотя порой и кровавым спортом. Да, и ей уже приходилось хоронить друзей и ровесников, но заколоченные наглухо гробы в детской психике никогда не примеряются на себя.

Хотя, надо отдать должное, мою дочь не упрекнешь в излишней лихости или неосторожности. Вот и сейчас, реально оценивая возможности своего оружия, выбрала ближайшую цель, которой способна нанести максимальный ущерб. Сколько у нее с собой патронов?

– Сзади!

Бабах! Андрей сносит подобравшегося со спины твареныша. Да откуда их тут столько? Бабах! Следующий выстрел сносит сразу двоих. Добивать некогда. Потом, если останемся живы.

– Чертобой, ответь базе! – совершенно некстати захрипела рация. – Чертобой – базе!

Некогда. Отвечать некогда – еще не меньше десятка лезут прямо в лоб. Дуплет. Переломить. Зарядить. Дуплет... Гильзы на хрен... Переломить. Зарядить. Дуплет... На спину падает что-то тяжелое, и тут же резкий удар по бронежилету. Андрей зло скалится, смахивая с приклада красно-серое месиво. Переломить. Зарядить...

Стрелять больше не в кого. События последних минут, сколько их там прошло, слились в одну, длинную-длинную, и выброшены из памяти. Только что был бой, и вдруг все кончилось. И даже кажется, что сквозь звон в ушах пробиваются переливы равнодушных ко всему жаворонков. Стою по колено в воде с переломленной двустволкой, Андрей на берегу бинтует себе кисть руки, затягивая узел зубами, а наши рыбаки, старшему из которых едва ли четырнадцать, деловито рассыпались по пляжу и рубят головы валяющимся тут и там тваренышам. Неплохо для детишек, чьи родители еще три года назад были убежденными вегетарианцами в экологическом поселении. Почти что толстовцами-непротивленцами.

Дочь с «Сайгой» в руках страхует товарищей и посматривает краем глаза с опаской. Нет, сегодня тебя не за что ругать. Мы – победители!

– Чертобой, ответь базе!

Да заткнется эта рация когда-нибудь? Андрей протягивает «Моторолу» и дипломатично отворачивается. Глубокий вдох и медленный выдох сквозь стиснутые зубы. Я спокоен. Я, блядь, триндец как спокоен! Рука сама тянется к карману в поисках сигареты. Но там пусто, давно уже пусто. Иммуитет к яду тваренышей дает неожиданный эффект – стоит закурить, и отек легких гарантирует смерть от удушья. И не помогает ничего, проверено, к сожалению, на практике. И к счастью, что не на собственной.

– Да, Валера, слушаю.

– Михалыч. Что там? – Голос Сотского взволнован и прерывист. – Почему не отвечал? Со стороны озера стрельба...

– Мы уже здесь, – перебил я председателя. – Наши все целы, высылай подмогу.

– Уже. Семь человек на «уазике» выехали только что.

– Валера, ты... – Захлестнувшая злость мешала говорить. – Да они сейчас за собой...

– Михалыч, я... – начал оправдываться Сотский.

– Погоди. Добро, пусть едут – ребят с ними отправлю.

– А вы?

– Заберем патроны – и дальше. Мысль одну проверю. – Я отключился и прикрикнул на подошедших поближе рыбаков: – Чего уши греете? А ну марш за сетками!

– Но, пап... – протянула дочь, видимо, ожидавшая похвалы за невиданный героизм в «великой битве».

– А ты иди головы режь! – жестко пресекаю любые попытки пререкаться.

Она с самым хмурым выражением лица повесила карабин на плечо стволом вниз и отвернулась.

– Лена..

– Да? – остановилась и вскинула голову.

И тихо, чтобы никто не слышал, шепчу:

– Я тебя люблю, дочь. И горжусь.

Где-то далеко послышался шум мотора – видимо, ребята решили рискнуть и двинулись напрямую через овраги. В принципе это уже не овраги – широченные ложбины между холмами, и там вполне можно проехать, если не слишком увлечься скоростью. В былые времена сам любил зимами погонять там на снегоходе за зайцами. Я на снегоходе, а зайцы от меня бегом. Но это когда-то, а сейчас звук приближающейся машины был дик и непривычен. Дело в том, что движущийся автомобиль привлекает тваренышей. И это, пожалуй, единственное, что заставляет их собраться вместе. Тот случай в первую зимовку – исключение, подтверждающее правило.

Мы у себя из всей техники рискуем использовать только мотоблоки, и то единственно для вспашки огородов. Один пашет – четверо по периметру с ружьями. Потом меняются, и так всю посевную. И бензин безумно дорогой – все окрестные заправки за три года выцежены досуха. Только иногда удается разжиться, когда Шумиловская дивизия отправляет караван в Кстово, на нефтеперегонный завод. Не знаю, как туда, но обратно бензовозы в сопровождении бронетранспортера летят на огромной скорости, а увязавшуюся стаю на подступах к КПП отсекают огнемётчики. Пару раз из десятка вышедших машин возвращалась только половина.

Шум все ближе. Если еще и эти притащат за собой хвост...

– Ребята, к берегу не подходить, и держитесь ближе к середине.

Сам киваю Андрею и шагаю в воду. Звери ее не любят. Во всяком случае, до сегодняшнего дня не любили. И здесь мелко – в десяти метрах не выше пояса. Не допрыгнут. Лучше оказаться мокрым и смешным, чем сухим, но дохлым.

– Чертобой, ответь буханководу! – Ага, ладно, хоть сообразили.

– Старший слушает.

– Михалыч, мы на подходе.

– Да слышу, слышу... Гостей мне на жопе не тащите?

Кто-то в лодке заржал, но тут же поперхнулся, получив по ребрам маленьким Ленкиным кулаком.

– Смотрим, Михалыч. Все чисто.

Чистюли, бля. Ну, ничего, бывает и из духовных на всю башку вегетарианцев нормальные люди получаются. Но кто бы знал, сколько нервов и крови мне это стоит!

Машина остановилась метров за пятьдесят. Да, за ними действительно никто не увязался. И это наводит на некоторые размышления – обычно такое событие, как выезд автомобиля, твареныши никогда не пропускают. Не могут же они все лежать здесь на берегу?

– Николай Михайлович, – прибывший старшим тревожной группы Пашка Острогин держится настороженно и чуть смущенно, видимо до сих пор не может забыть курс молодого бойца, пройденный под моим командованием, – Валерий Дмитриевич просил передать.

На траву опускается увесистая сумка.

– Сколько?

– Две с половиной сотни.

Так... еще наш неприкосновенный запас посчитать, и осталось еще... В крайнем случае, если покажется мало, у дяди Вани перехвачу. В конце-то концов, мы не собираемся вести в Ворсме полноценные боевые действия. Всего нужно – пошарить в стоящей как раз на окраине больницы на предмет лекарств и пройти чуть дальше за речку. Там когда-то были две аптеки и магазин «Удачный». Хм... название по нынешним временам звучит чуть ли не насмешкой. Но это – основная цель рейда.

Да, никакой романтики, одни меркантильные интересы – идем за обычными семенами. Теми самыми, что продавались в прямоугольных красочных пакетиках. Правда, большинство из них были гибридами с маркировкой F1, через что и страдаем. Дело в том, что потомство

этих мутантов не имеет родительских свойств. А еще через год можно вообще остаться без урожая. Вот и стараемся отыскать в обломках старой жизни стратегические запасы.

А рыцари без страха и упрека, объявившие тваренышей средоточием мирового зла, как-то быстро заканчиваются. Не нужно делать из войны культа – посвятив себя борьбе с тем самым злом, ты просто рискуешь потерять немного оставшееся добро. Нет, с большой буквы – Добро.

Философствую, мать... Сорок шесть лет – не старость, но последние три года можно считать один к десяти. Имею право поворчать.

Рыбаки уже закончили проверку сетей и упаковали сдутые лодки в «уазик». Рядом лежит мешок с сегодняшним уловом. Килограммов сорок – для восьмидесяти с лишним человек не бог весть что, но все-таки... Мелочь засолим на зиму – тузлук с прошлых посолов хоть и вонюч неимоверно, да какой уж есть, запасы соли не безграничны. Хорошо еще, что удалось поживиться на складе магазина в Солонском, обезлюдевшей деревне это все равно не пригодится.

– Папа...

Поворачиваю голову и встречаюсь взглядом с дочерью:

– Да?

– Ты не забыл?

– Помню, душа моя.

В глазах у Лены зажглись огоньки – так я называл ее в раннем-раннем детстве, когда перед сном желал спокойной ночи. Завтра день рождения, тринадцать лет. «Сайга» была подарком в прошлом году, сегодня ждет чего-то большего. Не буду разочаровывать ребенка:

– Если не успеем вернуться, загляни в кузницу. За горном на полке сверток.

– Та самая сабля? – Дочь радостно взвизгнула и захлопала в ладоши.

– Шашка.

Андрей отвернулся, пряча улыбку. Наверное, с его легкой руки среди детей в поселении поползли удивительные слухи о волшебном клинке, который безлунными ночами куют два Чертобоя. Пусть их... Не будешь же объяснять малышне, что времени катастрофически не хватает даже на самое необходимое, и если заниматься игрушками, то только за счет сна. Пусть верят в сказку.

А волшебный клинок... не им говорить, что без тяжелых и упорных тренировок волшебство просто не работает. Халява кончилась, когда началось Нашествие. Пусть хоть детство останется.

Глава 2

Мы проводили взглядами «уазик», увозивший рыбаков с их добычей, кучей трофейных голов, и только тогда чуть-чуть расслабились. Я не просто сел – рухнул в траву, не удержавшись на резко ослабевших ногах. По-хорошему, нам бы сейчас завалиться часа на четыре в баню, исхлестать друг о друга несколько веников, а потом употребить стакан-другой настоящей на травах самогонки и провести вечер у самовара под неспешные разговоры. Тогда бы отпустило. В принципе, так бы и сделали, но нужно проверить возникшую мысль.

– Андрей, как рука?

– Ерунда, – отмахнулся сын. – Вскользь когтями задело. Да я обработал...

– Таблетку съел?

– Угу.

Таблетками мы называли круто просоленные кусочки сырой печени тваренышей, запа-янные утюгом в полиэтилен. Они могли храниться неделю и использовались для профилактики заражений. Уж не знаю, что там содержится, но действует лучше всякой противостолбнячной сыворотки и прочих... Если нет соленой – едим и свежую, еще теплую. С пятой-шестой попытки, когда блевать становится нечем, получается. Дело привычки.

Андрей лежит, не снимая бронежилета, на чистой куртке, экспроприированной у тревожной группы, и блаженно щурится на солнце, шевеля пальцами босых ног. Портянки предусмотрительно повесил на воткнутые с подветренной стороны палки. Армейские берцы у нас тоже не прижились. То ли дело яловые сапоги – хоть и потяжелее кирзачей, но крепче и надежнее. А эти шнурки, носки... только понты перед девками колотить. На плечи привычно давит кольчужный воротник, собранный из мелких шайб Гровера. Такой в совсем древние времена смог бы выдержать и удар меча. Что еще в нашей экипировке? Пластины, прикрывающие сокровенное... Бывало, и выручали.

– Ну что, пошли?

– Пошли.

Дальше отправились привычным порядком, внимательно глядя под ноги. Обычно твареныши не оставляют следов – зверь чуть побольше кошки, с мощными задними лапами, хотя передвигаться предпочитает на четырех, идет легко и бесшумно, практически не оставляя следов. Но сегодня собралась громадная стая, так что можно рассчитывать на успех.

– Стой! – Мы уже приближались к северной оконечности озера, небольшим заливчиком уходящего в крутой берег, когда я увидел просвет в зарослях.

Ее трудно было не заметить – широкая тропа, а на истоптанных камышах с заплывающими вмятинами от чьего-то бега то, что еще недавно было человеком. Тройка тваренышей обглодала бы дочиста, но большая стая просто разорвала жертву в клочья, растащив кости.

– Женщина? – предположил Андрей. – Размер ноги маловат.

– Может быть, сейчас уже не определишь.

– А это? – Почти у самой воды валялся изящный никелированный револьвер.

Я наклонился и поднял игрушку – блестящую безделушку с перламутровыми накладками рукояти.

– Газовый, все заряды потрачены. – Озеро плеснуло, принимая бесполезную и опасную исключительно чувством ложной безопасности железяку. – Идиоты...

Да, женщина. Была. Чуть дальше повис, зацепившись за куст, черный беретик с нашитым красным треугольным флажком и прилипшими внутри длинными волосами. Милитари-стиль. Они что, уроды, на сафари решили скататься? Они, потому что где-то должны быть еще кости – в одиночку эта дура сюда просто не добралась бы.

Очередная находка. «АКСУ» – полицейская плевалка с пустым магазином. Заберу и дома повешу, как напоминание. Дохлый твареныш и пятна крови. Кого-то зацепила еще. Россыпь гильз в траве. Надеюсь уйти к озеру и отсидеться в воде? Вполне.

След уводил все ближе к Фроловскому. Если бы мы вышли на час раньше, то вполне услышали бы стрельбу.

– Пап, впереди!

– Вижу.

Это мужик. Тоже был. Уцелевшая высокая берца большого размера, второй нет. Шнуровка погрызена – зверье добиралось до того, что оставалось внутри. Отстреливался лежа? Все гильзы справа. Тут же помповое ружье, не знаю какой марки, слишком все запачено кровью. На вид не определяю – до Нашествия оружием не очень-то интересовался, хватало старой, доставшейся по наследству «тулки». Она и сейчас в железном шкафу. Там, далеко, в старом доме, в котором не был уже три года. Дальше ничего не нужно было искать – все читалось как на странице раскрытой книги, к сожалению, трагической. Здесь беглецы останавливались, сделав несколько выстрелов. Вот небольшая лунка от разорвавшейся гранаты и три дохлых твареныша. Еще один, убитый из ружья.

– Чертобой, базе! – опять вызывает Сотский.

– Младший слушает, – ответил Андрей.

– Машина добралась, у нас норма.

– Добро. Мы в порядке, выходим к Фроловскому.

– Хорошо, отбой. Гусева я предупредил.

Сын недоволен чертыхнулся и сунул рацию в грудной карман. Давно хочу купить у шумиловцев гарнитуры. Такие, как в старых фильмах, когда можно переговариваться, не занимая рук. Но дерут безбожно – любая радиостанция даже не на вес золота, потерявшего ценность, она идет по цене жизни. То китайское барахло, которым были завалены магазины перед Нашествием, за редким исключением, давно вышло из строя, не выдержав нагрузок, и новую, нормальную, можно только выменять у военных или найти случайно.

Впереди показались крыши. В отличие от нашего Дуброво эта деревня раньше была вполне населенной, сюда даже ходил рейсовый автобус из Павлова. Дорога, конечно, и тогда оставляла желать лучшего, но, во всяком случае, выбоины в асфальте иногда заделывали. Через Фроловское мы ездили в плохую погоду – короткий путь заканчивался шестью километрами грунтовок, а тут хотя и дальше, но зато твердым покрытием. Люди в деревне продержались достаточно долго после начала Нашествия – четыре месяца, и ушли в Грудцино только осенью, пустив впереди себя чудом уцелевших коров. Ушли все пятеро.

Последнюю жертву тваренышей нашли у ручья – видимо, человек провалился, когда под ногой сломалась гнилая доска мостка, и упал. Ни гильз, ни оружия рядом не было.

Следы вели дальше, мимо сторевших когда-то домов к полуразрушенной церкви, восстанавливать которую совсем было собрались три года назад. Успели поставить леса и завезти кое-какие стройматериалы. Пачки красного кирпича и сейчас стояли, шелестя обрывками упаковочной пленки. А за ними...

– Бля-а-а! – не сдержался Андрей, увидев «Тойоту-Лэндкрузер» с тонированными наглухо стеклами, повернутую к нам черным блестящим боком.

Дверки закрыты, а по обеим сторонам от машины несколько застреленных в упор тваренышей. Видимо, водитель и пассажиры выскочили одновременно, открыв огонь, а затем бросились прочь. И зачем было убегать? Внутри безопаснее. Относительно безопаснее – звери не смогут забраться внутрь, но и не выпустят наружу. Сиди, пока не кончатся продукты.

Ответ нашелся почти сразу же, как я осторожно приоткрыл водительскую дверку – твареныши попали в салон через выбитый выстрелом люк. Кажется, они запрыгнули на крышу остановившегося автомобиля, а водитель или пассажир саданул прямо сквозь стекло. С испуга

или от неожиданности? Какая теперь разница... Еще одному зверю свернули голову голыми руками – валяется, закрывая рычаг скоростей. На лобовике кровь... Человеческая?

На заднем сиденье что-то шевельнулось, и я резко отшатнулся, захлопнул дверь. Андрей шагнул ближе и направил ружье на «Тойоту»:

- Там?
- Ага, сзади...
- Откроешь? А я...
- погоди, сам... У меня кучнее бьет.
- Хорошо.

Сын тихонько, кончиками пальцев вытянутой руки, потянул ручку на себя. Тишина... Только дрогнуло свернутое одеяло и послышался еле-еле слышный, на грани восприятия, писк. Я еще толком ничего не понял, а Андрей уже забросил двустволку за спину и потянулся внутрь:

- Здесь ребенок, пап. Маленький совсем.

Теперь понятно, зачем люди уводили стаю от машины. Пусть им хорошо там, на небесах. Не знаю, как жили раньше, но умерли достойно, в бою. Спасая вот этого крохотного малыша. Там же на сиденье пузырек с соской. В нем темно-желтоватая жидкость. Чай? Попробовал на язык и сплюнул – маковый отвар. Напоили заранее, еще во время погони, чтобы уснул и не выдал себя плачем или движением. Господи, ну для чего нужно было тащить ребенка в гарантированно самоубийственную поездку?

Тем временем Андрей откинул уголок одеяла, закрывающий лицо найденныша. Малыш, не открывая глаз, заворочался и открыл рот, смешно захлопав губами. Орать не стал.

- Правильно, – одобрил сын. – Мужчины не плачут!
- Ты в его возрасте тоже не плакал – паровой сиреной вопил. В багажнике вещи глянь, может быть, перепеленать нужно?
- Сейчас. – Андрей передал сверток мне. – Только я пеленки менять не умею. Поможешь?
- Учись сам. Считай, что экзамен на звание молодого отца сдаешь.
- Я?
- А чего такого? Когда-то надо. Почему не сейчас? От тебя внуков хрен дождешься, а тут раз... и готово.
- Да, но... – По-моему, он не уловил иронии.
- Чай, не девка, в подоле притаившаяся. Одиноким мужчинам с дитем всегда вызывает уважение у женщин. Правда, пополам с жалостью.
- На фиг надо. – Андрей был прикрыт дверкой багажника, потому его возражения звучали как-то неразборчиво и неубедительно. – О, смотри, целая сумка с молочными смесями! И даже памперсы!

Смотреть не стал – кто-то должен присматривать за местностью. Хотя разум и утверждал, что все твареныши ушли за беглецами и потом остались валяться без голов на берегу озера, но жизненный опыт, основанный на воспоминаниях седалищного нерва, спорил с ним. Устраиваю малыша поудобнее на сгибе левой руки, прижимая тихонько к бронежилету. Симпатичная мордашка – на вид месяцев шесть. Плюс-минус недели две. Слава богу, в возрасте детей немного разбираюсь.

– А чего дальше делать? – Андрей захлопнул багажник и с любопытством естествоиспытателя разглядывал упаковку подгузников. – Может, ты?

- Нет уж... тренируйся.
- А-а-а... а давай!

Я положил ребенка на капот и отошел в сторону, продолжая наблюдать за улицей. Через пару минут, не меньше, за спиной раздался удивленный возглас:

- Пап, так это же девчонка!
- Тем более.

– Что – тем более?

– А все! Пошевеливайся, давай... папаша.

Андрей запыхтел, но воспитание не позволило высказать вслух всю полноту чувств. Справился довольно быстро.

– Дальше что? Грудью кормить не буду, нету ее у меня...

– Поговори еще! – И не оборачиваюсь. Пряча улыбку.

Девчонка. Девчонка – это хорошо. Это наше будущее. Если оно есть. Ладно, не отвлекаемся на лирику. Открываю дверку и лезу на водительское сиденье. Ключ в замке зажигания.

– Ну что стоишь? Залезай.

Сын смотрит непонимающе – за три года опасность езды на машине осознана настолько, что «Тойота» уже не воспринимается как средство передвижения. Добыча, трофей, с которого можно снять очень много полезного в хозяйстве – да. Но ездить – нет. Но придется.

Чуть сдвинул кресло назад – покойный водила был меньше ростом. Поворот ключа – зажужжал бензонасос, стрелка топливного датчика показывает больше половины бака. Это хорошо. Черт, а где педаль сцепления? Ах да, коробка автомат... Заводим... надо же, заработала... мощно и почти бесшумно.

– Садись или нет?

– На хрена? – Андрей, не выпуская ребенка из рук, садится сзади, кладет сверток рядом и опускает стекло.

– Застудишь девчонку.

– А стрелять как? Да я ее еще курткой прикрою.

– Как знаешь. – Включаю заднюю передачу, и «Лэндкрузер» пятится, выбираясь на более-менее приличный кусок улицы. – Поехали!

Разворачиваюсь, въехав кормой в одичавшие смородиновые кусты, и выруливаю на асфальт. Левая рука привычно толкает вперед рычажок поворотника. Надо же, столько времени прошло, как в последний раз сидел за рулем, а все делаю на автомате. Взял левее – упавший забор, конечно, не ахти какая помеха такому танку, но поймать колесом ржавый гвоздь сотку – немного не то, что нужно именно сейчас. И резко вправо, под горку, где после двойного поворота начинается прямая дорога на Грудцино. Андрей молчал, но в зеркале заднего вида отражалось его лицо с нервно прикушенной нижней губой. И тревожные взгляды на малышку.

Ехать всего шесть километров. С одной стороны тянутся зарастающие березняком поля. Никогда раньше не понимал поэтов и ностальгирующих по березкам эмигрантов. Сейчас не понимаю тем более. Красиво. Да... белые стволы... шелест листьев под легким ветерком. Но они же – знак беды, знак брошенных полей и обезлюдевших деревень. Наверное, так же было почти сто лет назад, после Гражданской войны.

С другой стороны – болотистая низина с разлившимся ручьем. Сразу за ним уходят вверх лесистые холмы. До Дуброво по прямой – рукой подать, но нам в обратную сторону. А впереди, справа, кладбище синее оградами. Старое кладбище, на нем уже не хоронят. Пробовали один раз, но твареныши атаковали процессию, и хоронить пришлось на трех человек больше. А ночью звери раскопали свежие могилы. Теперь кладут внутри деревенской территории, рядом с северной сторожевой башней. У нас то же самое – жить хреново, а помереть – еще хуже.

Да что все о грустном? Тут же магнитола есть, сейчас музыку поставлю. Проигрыватель подмигнул синим огоньком и включился с середины песни, не дослушанной прежними хозяевами «Тойоты». Я вздрогнул, услышав знакомые переливы гармонии в проигрыше. Мистика... таких совпадений просто не бывает... не может быть. Но оно было. Из многочисленных динамиков – голос:

Где теплый ветерок
Смотрит изумленно,

Синие кресты
Помня поименно...

Руки стискивают руль. Но песня звучит...

И все слова бесполезны,
И ничего не исправить.
Придется в банке железной
Букет ромашек поставить.
Пускай стоит себе просто,
Пусть будет самым красивым,
На деревенском погосте
Страны с названием Россия.

Ну что же мне так хреново? Настолько, что нажимаю на тормоза и лезу в боковой карман куртки, где лежит плоская фляжка с самогоном. Рука, откручивающая пробку, дрожит. Глоток... еще один... Обжигающая жидкость прокатилась по пищеводу, оставив привкус дубовой коры и липового цвета. Не ожидал, что прошлое догонит и ударит так безжалостно. Именно эту песню я слушал дома в последний день. Слушал, а потом выключил комп и уехал на дачу. И больше не было ничего... Не стало прежней жизни, в один момент рухнувшей под ударом Нашествия.

Оно началось не сразу, но об этом никто не догадывался. Просто весной, когда сошел снег, люди стали находить на земле маленькие перламутровые шарики, светившиеся изнутри в темноте. Даже искать не нужно было, они усеяли все, начиная от газонов в городе до полей в лесу. В лесу меньше – казалось, что «ледяной жемчуг», так его называли, притягивался к большим скоплениям людей, потихоньку перемещаясь самостоятельно. В тех краях, где зимы не было, они появились тоже и в тот же день. Вечером нет, а утром...

Поднятая было шумиха быстро утихла, когда ученые, исследовавшие необычный феномен, бессильно и недоуменно развели руками, не в силах внятно объяснить его происхождение. Говорили что-то о неспособности современной аппаратуры, сверхпрочности объекта, непроницаемости для рентгеновского и прочих излучений... Точку в спорах поставили американцы из Массачусетса, заявив, что феномен безвреден, следовательно, не стоит выеденного яйца.

Новый виток истерии начался чуть позже, когда военные обнаружили какое-то излучение от больших скоплений «ледяного жемчуга», мешающее наведению ракетных боеголовок и работе спутников связи. Даже предприняли попытку скупки, а потом и конфискации шариков. Но излучение пропало сразу же после увеличения ассигнований на исследование в несколько раз. Вояк обвинили в мошенничестве – российским сурово погрозили пальцем, у американцев отправили в отставку целого полковника, в Китае же это стало прекрасным поводом устроить чистки генералитета. Чем закончилось в других странах, СМИ не сообщали – как раз грянула очередная свадьба британского принца, потом его же не менее громкий скандал и драка с любовником... Не до того было.

А «ледяной жемчуг» стал обычным курьезом природы и последним писком моды. Выяснилось, что под действием тепла человеческого тела он не только светится в темноте, но и растет в размерах – шарики величиной с вишню за две недели успевали вымахать до габаритов футбольного мяча. Освещение из больших шаров получило популярность не только в спальнях. В ночных клубах развешивали целые гирлянды, приспособив волейбольные сетки – мягкое свечение успокаивало агрессивных, подбадривало робких, отрезвляло пьяных и кружило головы трезвым. А причудливая игра света притягивала, заставляла прижать ладони, согревая прохладную, чуть шершавую на ощупь поверхность «жемчужины».

Опять начался шум в газетах и Интернете – на этот раз врачи выступили с утверждением, что неизученный феномен является каким-то там гипноглифом и вызывает болезненную привязанность. Не знаю, может быть, так оно и было. Нас самих спасло маниакальное пристрастие моей жены к чистоте – все найденное дочерью на улице тщательно осматривалось и незамедлительно выбрасывалось на помойку. Светящийся феномен не стал исключением.

Все случилось одновременно во всем мире одиннадцатого, а где-то еще десятого июня – твареныши вылупились из «жемчужин», как цыплята из яиц, что, впрочем, не помешало им оказаться хищниками. Теплокровными, зубастыми, ядовитыми, с короткой серой шерстью и невероятно прожорливыми. Не знаю... наверное, мало кто пережил первую ночь Нашествия – говорят, что к утру города напоминали Дрезден сорок пятого года из-за вспыхнувших многочисленных пожаров. Горели квартиры, дома, горели автозаправочные станции, столкнувшиеся на улицах автомобили... Тушить было уже некому.

Нас это все миновало – мы выехали на дачу в пятницу сразу после обеда, чтобы успеть проскочить выезд из города до пробок, и к тому времени уже спали. Я только засиделся на кухне с ноутбуком и кружкой чая, зависнув на одном из форумов. А около полуночи перестал работать USB-модем, и без того в наших местах жутко тормозящий. Так и пришлось выключать и ложиться. Все равно собрался подняться пораньше и сбежать по прохладе в ближайший лесок за лисичками.

Сходил, бля, за грибочками... Утром проснулись от отчаянного визга Бобика, мелкой дворняги, которого в дом ночевать не пускали. Как был, в трусах и босиком, я выскочил на улицу с прихваченным по пути топором – пес катался по земле, сцепившись с чем-то серым и зубастым. И вылетел из свалки с разорванным горлом. В следующий момент неизвестный зверь бросился на меня, оскалив пасть. В нее и вбил с размаху топор. Так и оставил, убегая на ставших вдруг ватными ногах. Подобрал только потом, когда после недельного добровольного заключения осмелился выбраться и дойти до машины, где в багажнике лежал пакет с макаронами.

А Интернет не работал. Через три дня отключилось электричество. Радиоприемник в мобильном телефоне ловил панические крики испуганных людей. Станции прекратили работу раньше, чем сел аккумулятор. Мы ничего не понимали, только разглядывали в окна изредка пробегающих по улице тваренышей. И просыпались по ночам, когда они начинали царапаться в железную дверь.

Вторая неделя оказалась самой тяжелой – продуктов привезли с собой только на выходные, рассчитывая в воскресенье вечером вернуться домой, и они закончились. Мои молчали, но я видел, какими глазами смотрела дочь на последний кусок черствого хлеба, разломленный пополам. Ей и матери. Деваться было некуда – нашли две старые косы, обмотали нижние части изолентой поверх тряпок и с таким оружием отправились в огород. Ведро спелой клубники стало праздником, а охалка зеленого лука – основным блюдом. Приносили молодую свекольную ботву, из которой варили суп с четвертинкой бульонного кубика, и мелкий, еще не вызревший крыжовник, сводивший скулы лучше лимона. Двух зарубленных тваренышей выкинули. Да... поначалу выкидывали...

Следующую вылазку сделали на фермерское поле, начинающееся сразу за огородом. Там выкапывали посаженную по весне картошку – некоторые клубни можно было есть. Набирали и новый урожай – размером с горошину или чуть крупнее, но хоть что-то... Выжили, только отражение в зеркале вымученно улыбалось воспаленными глазами и качало седой головой.

К августу стало легче, значительно легче. Удалось насолить грибов – в саду на срубленных старых вишнях дружно пошли опять – и огурцов, горьких из-за плохого полива. Картошку уже не делили по две-три штуки каждому, ели каждый день, запекая в печке. Сделали запасы, даже добрались до колхозной пшеницы, перестоявшей и почти осыпавшейся. Но тем не менее варили и ее, пропустив через мясорубку. И намолотили вручную шесть полных мешков.

В сентябре, воспользовавшись теплым и сухим бабьим летом, закончили строительство высокого, в два с половиной метра, забора, разбирая на доски старые сараи. Так уж получилось, что в свое время я купил сразу четыре участка подряд в улице, на двух из них оставались вполне нормальные бревенчатые домики с хозпостройками. Для себя построил новый, в полтора этажа, считая с мансардой, а эти планировал разобрать и пустить на переделку под баню. В кредит, который так и остался невыплаченным. Да и черт с ним, честно говоря. Не думаю, что есть кому возвращать.

Стало безопаснее. Первый раз за последние месяцы увидел улыбку дочери, когда она вышла и подставила бледное лицо под осеннее солнышко. Андрей тогда ушел в сад и долго не возвращался. Я не стал окликать, лишь смотрел издали, как он сидит под яблоней, глядя в одну точку, и как бежит струйка крови из прокушенной губы. В тот же день, ближе к вечеру, завели мотоблок и распахали целину под будущий огород, перемолотив безжалостно все клумбы – стало ясно, что домой больше не вернемся. Мы здесь навсегда.

По первому снегу, ориентируясь на дымок из печной трубы, пришли люди из располагающегося неподалеку экологического поселения. Знаете, таких, что, начитавшись тонких зеленых книжек, продавали квартиры и «уходили на гору спасаться»? Впрочем, спаслись на самом деле. Из четырехсот с лишним человек выжило девяносто восемь. Те, что зашли к нам, добывали так и не убранную с полей картошку, благо земля еще не успела промерзнуть. Копали, ежедневно теряя кого-то в своих вылазках. На следующий день появился их командир, Валера Рябинин – это уже потом он стал Сотским, сменив фамилию на заработанный потом и кровью позывной. Как и мы...

Пришел с просьбой переселиться поближе к нам, в деревню. Без запасов и дров, на голых участках, где кроме бурьяна и тонких березок не росло ничего, поселенцы не имели шансов пережить наступившую зиму. А тут сразу за огородами – сорок гектаров неубранной картошки. Перебирались неделю, занимая несколькими семьями брошенные дома с заколоченными окнами, затыкали пустые проемы пленкой, ремонтировали печки, кое-где попросту рухнувшие. Хватило не всем – у кого не было детей, тем копали землянки, вычерпывая посменно жидкую грязь пластмассовыми ведерками. Лепили временные печурки из глины, почти везде по-черному. Пережили и это, потеряв шесть человек.

К Новому году обустроились. И сразу после него пришла беда. Хотя... может быть, с точки зрения прошлого, мирного времени, это было бедой. В новых обстоятельствах – недоумение. Страшное и дикое, но недоумение. Помню недоумевающие глаза людей, когда из трубы одной из землянок потянуло жареным мясом. И их же, испуганные, раскрывшиеся от ужаса при виде отрубленной женской головы. Люоедство... Может быть, и правда жена Артура Вилковского умерла от цинги – слабая и болезненная, она ходила бледной тенью, с трудом передвигая опухшие ноги. Или он ее убил... Неважно.

Тогда мы с Андреем и начали зарабатывать свою мрачную репутацию безжалостных отморожков. Пинками выгоняли людей на улицу, где на старом тополе приготовили проволочную петлю. Смотреть на повешение собрали всех, в том числе и детей. Оглашения приговора не было, как и последнего слова приговоренного – просто выбил ногой табуретку. Труп повисел до весны, только тогда его сняли и выбросили в овраг.

А я занялся оружием, соорудив импровизированную наковальню из обрезка рельса. Грел поковки в обычной печке и за неимением подходящей кувалды работал обухом тяжелого колуна. К тому моменту, когда стало совсем голодно, были готовы две уродливые сабли, и мы с Андреем ушли на охоту.

– Пап, ты чего? – Голос Андрея пробился через воспоминания.

Бросил взгляд на панель, где светятся цифры электронных часов. Две минуты, всего две минуты... А показалось – прошла вечность. Так и сижу, нажав на тормоз, а в правой руке до сих пор фляжка. И проигрыватель молчит, наверное, это была последняя песня на диске.

– Не обращай внимания, так, нахлынуло что-то. Поехали дальше.

В зеркале вижу, как сын понимающе кивает. Встречный ветерок играет его давно не стриженными волосами, в которых блестит на солнце ранняя седина. Вот уже и седой. А вроде бы недавно носил на руках, катал в коляске, потом водил в детский сад и музыкальную школу, где преподаватель игры на гитаре вечно возмущался сбитыми на тренировках костяшками пальцев. Когда это было? Недавно. И давно.

– Андрюш, вызови Грудцино, они уже в прямой видимости.

– Угу. – Через пару секунд послышалось тихое: – Птицефабрика, ответь Чертобоям.

Откликнулись не сразу, пришлось повторять еще и еще. Наконец динамик захрипел, коротко бросив:

– Курятник, тьфу, Птицефабрика слушает!

– Димка, ты?

– Ага, Гусь-двенадцатый у аппарата.

У Грудцино был общий на всех позывной, полученный в честь самого старшего жителя и основателя нынешнего поселения, дяди Вани Гусева. Его многочисленные потомки, включая правнуков, уже именовались «номерными гусями». Этот, двенадцатый, если не ошибаюсь, один из внуков.

– Чертобой, вы где? Будьте осторожны, со стороны Фроловского какой-то ублюдок прет на джипе, может тащить за собой стаю.

– Дим, это мы едем.

– Ой, – поперхнулся невидимый собеседник. – Извини...

– Ничего. Но запальники на огнеметах все равно не тушите.

– Добро, ждем. Деда сейчас предупрежу.

Глава 3

Деревянный забор, потемневший под дождями, кое-где бетонные плиты с квадратиками в шахматном порядке, поверху – колючая проволока. У нас так же – зимой. Когда надувает сугробы выше человеческого роста, она спасает от попыток тваренышей перепрыгнуть. Если кому-то и удастся, то внизу, по всему периметру стены, перевернутые зубьями вверх бороны. Еще ни разу ловушка не пригодилась, но для успокоения души острия затачивали ежемесячно.

Вся деревня сгруппировалась вокруг нескольких пятиэтажек, водонапорной башни, по совместительству сторожевой, и сельсовета. В последнем больница, или амбулатория, как ее тут называют. Огороды в стороне, обнесены частоколом и высоким плетнем с все той же колючкой. Здесь народу значительно больше, чем у нас, так что есть кому присматривать за оградой, поддерживая и ремонтируя.

А вот и ворота. Притормаживаю и жду, когда откроют створки, возмущенно визжащие проржавевшими петлями. Не смазывали никогда, не было случая. Обычно пользуются калиткой, а тут машина. Здоровый мужик, толкающий воротину, смотрит хмуро и блесит золотым зубом. Понимаю, что их когда-то было три, но и ты пойми, мужик, – не стоила твоя наковальня запрошенного центнера мороженой рыбы, ну никак не стоила. Из приспособленного под КПП магазинчика, в былые времена стоявшего как раз на повороте к пятиэтажкам, выглядывало еще несколько недовольных физиономий. Да, не любят нас здесь. И в карты больше не хотят играть – дикие люди, дети полей.

Официальные лица встретили более благожелательно. Имея свой интерес, они не могли себе позволить отрицательные эмоции по отношению к основным поставщикам голов тваренышей. Особенно местный врач, он же Гусь-восемнадцатый, лучший, можно сказать, мой клиент.

– Николай Михалыч, какими судьбами?! – Дядя Ваня полез обниматься, едва я вышел из машины.

Вот уж кому абсолютно наплевать на любое мнение, общественное оно или личное. Отпраздновав девятнадцатилетие в Праге сорок пятого года, в свои восемьдесят девять он оставался крепким стариком с ясным умом и до сих пор не упускал случая хлопнуть рюмочку-другую. Деревню же держал жестко, в корне пресекая робкие ростки демократии. Тиран и диктатор, что, в принципе, и привлекало. Я тоже довольно старомодный человек и либеральных ценностей нажрался еще до Нашествия. Хватило до сбева... Особенно в конце восьмидесятых – начале девяностых, когда на крики «мы тебя туда не посылали!» отвечал ударами в орущую пасть. За что и получил три года условно. Падлы...

– Ну что, Михалыч, ванну и чашечку кофе? – Гусев действительно был рад моему приезду.

От кофе не откажусь – у нас его нет и не было никогда. Даже из рейдов не приносили, всегда находилось что-то более ценное. А ванна... это, конечно, шутка. Мощности здешнего ветряка еле-еле хватает, чтобы наполнить бак водонапорной башни, а потому вода расходуется экономно, только на приготовление пищи. И унитазы поснимали во избежание искушения. Сортиры на улице, как и бани, в которые ходят мыться, а не париться. Недостаток дров, вот главная проблема Грудцино. Газ, проведенный сюда пятнадцать лет назад, отучил делать запасы, а почти все деревянные дома, покинутые жителями, уже разобрали. Это мы лесовики, да и при расчистке заросшей тополями деревни заготовили не на одну зиму, у местных же поход за топливом считается за подвиг.

Через двадцать минут я блаженствовал в мягком кресле с большой кружкой в руке. Андрей предпочел чай, тоже из старых запасов.

– Дядь Вань, а ведь мы к тебе по делу.

– Да? – почти натурально удивился Гусев. – А я-то, старый пень, думал, что просто на прогулку выехали. Или за грибами там...

– Ага, – соглашаюсь и киваю на сына, придерживающего на коленях ребенка. – И попутно в капустных зарослях детишек поискали. Дед, нам коза нужна.

– Так заведи.

– Так продай.

Дядя Ваня задумался. Наверное, размышляет, сколько с нас слупить за редкую теперь животину. И ведь заплачу, отдам все, что потребует. Иначе малышку не выкормить. Сейчас, летом, еще можно давать всякие там протертые овощи и фрукты, а зимой? Солеными огурцами? Из всей живности в Дуброво остались только мыши – единственной собакой был покойный Бобик, а привезенных кошек поселенцы-экологи съели в первую очередь. Коров и коз тем более не бывало.

– Козу, говоришь? – Гусев прищурил левый глаз. – Так забирай. В приданое!

– Кому?

– А забирай вместе с козой мою правнучку. Машку... или Любку – на выбор. Андрюху вот своего женишь.

– Кого? – протянул Андрей и отставил в сторону кружку с чаем. – Так они же у тебя, дядь Вань, страшные. И та и другая.

– А у тебя что, невест перебор? – парировал дед.

– И жирные, – упорствовал сын. – Жопа в двери не пролезет.

– Целее будут! – Разговор продолжился на повышенных тонах. – Забирай обеих и из дома не выпускай!

– Да я лучше на Дуньке Кулаковой женюсь!

– Тихо! – Пришлось осторожно, чтобы не расплескать кофе, ударить кулаком по столу. – Так что, дед, продашь?

Гусев нахмурился и долго не отвечал. Я ждал. Не в первый раз отбиваем матримониальные поползновения, сейчас успокоится, переживая очередной отлуп, и отойдет. Да, конечно, Андрея женить было бы неплохо, не все же обходиться сердобольными вдовушками, но уж больно страшны предложенные заразы. А вдвоем – в два раза страшнее.

– Сменяю. – Наконец председатель очнулся от раздумий и обид. – На десять мешков муки сменяю.

– Да ты что, сдурел? – ахнул я. – Да мне в три года не расплатиться.

– Знаю, – согласился дядя Ваня. – Но не тебе одному людей кормить нужно. Чем буду, хреном своим? Козу заберешь сейчас, расплатишься потом, по мере возможности.

– Но полтонны...

– Думай, Михалыч... думай.

Я и думал, прокручивая в уме возможные варианты. Андрей осторожно кашлянул и пригладил усы. Кажется, у него появилась хорошая мысль, иначе зачем бы подавал знак о необходимости разговора без свидетелей. Да, по-любому надо соглашаться.

– Ладно, Иван Федорыч, уговорил ты меня. Забираю.

– Только козу? – на всякий случай уточнил Гусев.

– Не только, – но при виде вспыхнувших глаз председателя безжалостно уточнил: – Девоч не возьмем. А вот три сотни патронов пусть в багажник загрузят.

– Сколько?

– Три, и ни одним меньше. Заспиртованные железы занесу при случае.

– Не понял. – Дядя Ваня даже привстал с кресла. – У вас там что, еще одно Нашествие было?

– Стаю у озера постреляли.

– Большую?

- Да уж не маленькую.
 - Вот еп...
 - Не матерись при ребенке, дед.
 - Этому ребенку давно пора своих иметь.
- Андрей жизнерадостно заржал и покачал завозившуюся девочку:
- Так есть уже. И это при ней не нужно ругаться.

Выехали обратно на закате, чтобы успеть засветло вернуться в Дуброво. Понятно, что о рейде в Ворсму даже не вспоминали. Ладно, завтра ходим, если ничего больше не помещает. За руль посадил Андрея, а сам с малышкой расположился на заднем сиденье. Она уже оклемалась от действия макового отвара, и сейчас, накормленная какой-то быстрорастворимой кашей из банки и вполне довольная жизнью, весело агукала, прислушиваясь к стуку в багажном отделении. Там били копытами в борт две связанные по ногам скотины, рогатые, бородатые и вонючие. От козы пахло еще ничего, а вот полагающийся к ней в комплекте козел благоухал так, что даже опущенные стекла не помогали.

Вот уж не знал и не предполагал такой проблемы. В моем представлении коза должна есть траву и давать молоко, просто успевай доить. Нет, оказывается, ее еще и огулять нужно. Что же... пришлось согласиться за дополнительный мешок муки прихватить и козьего хахаля. И в самом деле – не самому же... Жена не поймет.

Да, что-то мысли в неправильную сторону пошли. И воняе-е-е-т... Видимо, последнее слово я произнес вслух, потому что Андрей обернулся и предложил включить кондиционер.

– Не надо. Лучше скажи, что за идея тебя посетила. Предложения о пошлом кидалове не рассматриваются.

– Идея? – переспросил сын, слегка притормаживая перед очередной выбоиной в асфальте. – Хлебозавод нужно искать. Или мукомольный.

– И где?

– В городе, лучше всего в Нижнем. Там должны оставаться старые запасы.

– Совсем дурак, да? – Неожиданное предложение показалось настолько диким, что слов не находилось.

– А что? – пожал плечами Андрей. – Самим пшеницу выращивать? Нашего поля хватает только, чтобы на праздники по кусочку каждому дать. И то не всегда.

Хм... а сама по себе идея, конечно, неплохая, вот только соваться в город опасно. Ворсма не считается – за исключением небольшого микрорайона многоэтажных домов, все остальное там деревня деревней. И то стараемся вглубь не заходить. А в больших что творится? Взвод разведки, отправленный из Шумиловской дивизии в Богородск в прошлом году, так и не вернулся. Тоже, кстати, хотели хлеб найти. Нет, бредово все это.

– Нижний исключаем.

– А если попробовать в Кстово поискать?

– Предлагаешь махнуть с бензиновым караваном?

– Зачем? От нас до Кудьмы семь километров – бросили резиновую лодку в воду, и вниз по реке. За сутки там будем.

– А обратно?

– Ну... машину найдем.

– И за собой полтыщи тваренышей притащим? На хер нужно такое счастье.

– На мосту отобьемся, как в прошлый раз.

Напомнил, бля... Сразу заболела нога, простреленная и до сих пор ноющая к непогоде. Мы тогда шли с тележкой, груженной двумя сорокалитровыми флягами с бензином, из Шумилово домой, и у бывшего поста ГАИ перед поворотом на Богородск крупно влипли. Твареныши еще не собирались в тройки, но и одиночек хватило – штук двадцать преследовали по пятам, постоянно бросаясь в атаки, а на смену убитым тут же появлялись другие, сказывалась бли-

зость довольно крупного города. Отступали до моста через какой-то ручей, не помню теперь название, и там, уже не опасаясь за фланги, устроили зверям настоящую бойню. И тут же получили сзади автоматную очередь. Андрею прилетело в бронежилет, и он упал за ограждение, отделяющее проезжую часть от пешеходной дорожки, а я так и остался лежать на асфальте, беспомощно наблюдая за вывалившейся из придорожных кустов троицей мародеров. Донельзя довольные богатой добычей, они с удивлением посмотрели на выкатившуюся под ноги гранату, раскрашенную в яркие цвета и с розовым бантиком на взрывателе. Лена так старалась, украшая подарок любимому брату на день рождения...

– Нет, Андрюш, погоди. – Какая-то мысль крутилась в голове, но все ускользала, все никак не удавалось поймать ее за хвост. Мосты, вода... нет, не то. Так и промолчал до самой деревни.

Там уже ждали. С Сотским связались по дороге, и сейчас у южных ворот растянулись в цепь несколько стрелков на случай увязавшихся тваренышей. Их оказалось всего две тройки, не замеченных нами в клубах пыли за машиной. Грохнуло сразу несколько стволов, разнося зверей в клочья – охрана стены всегда пользовалась волчьей картечью.

– Михалыч, – Валера восхищенно поцокал языком, оглядывая «Тойоту», – ты где такую классную лайбу надыбал?

– Завидно? – Я захлопнул за собой дверку и махнул Андрею: – Езжай к дому, мы сейчас пойдем.

Внедорожник рыкнул мотором и порулил дальше по улице, а Сотский заинтересованно спросил:

– Михалыч, да у тебя на лице написано, что что-то задумал.

Не ответил, сел прямо на траву, откинулся спиной на цветущую липу и прикрыл глаза. Красота-то какая! Не нужно никуда торопиться, бежать, стрелять... Так бы и сидел всю ночь. И соловьи запоздавшие в овраге поют. Да ну их на хер, эти рейды! Буду неделю отсыпаться на чистых простынях, отъедаться жареной картошкой с лисичками, отпиваться прошлогодним яблочным вином, париться в бане до восьмого исхлестанного веника. Никуда больше не пойду, устал.

И тут же, противореча самому себе:

– Валер, мы завтра с утра выходим. Рацию мне еще одну занеси, хорошо?

– Завтра?

– Ну да, чего тянуть. Но рацию – сегодня.

Сотский лишних вопросов не задавал, присел рядом, неловко выставив вперед деревяшку самодельного протеза.

– На трофейной машине пойдем, – продолжил я. – Когда ждать обратно, не знаю сам.

– А куда?

– Да хрен его знает, Валер.

– В Нижний, значит.

– Ну-у-у... примерно.

– Вдвоем?

– Как обычно.

Я не стал продолжать разговор, что в нем толку? Валера, конечно, хороший человек, правильный, и в душу не лезет, да только не пошел бы он в задницу! Самого корежит и мурашки по спине бегают, как представляю улицы Нижнего Новгорода с марширующими по ним тваренышами. Не хочу идти. Но надо.

Дома, после ужина и бани, пришлось выдержать небольшой семейный скандал. Вполне, впрочем, корректный и негромкий, чтобы не разбудить спящую в мансарде малышку. Кроме двоих родных детей и сегодняшнего найденыша, их было еще четверо приемных, в возрасте от четырех до десяти лет – результат вылазок по обезлюдевшим деревням. Лена обижалась, что

завтрашний день рождения будет отмечать без нас. Чуть отбился. Пообещав в следующий раз подарить настоящую кольчугу. Милитаристка, блин, дева-воительница.

Наконец, выгнав из кухни женское население, остались с Андреем вдвоем. Он сдвинул в сторону массивный медный подсвечник и разложил на столе карту.

– Вот смотри, пап. – Остро заточенный карандаш ткнулся в извилистую синюю полосу. – Если мы спустимся на воду тут, в районе Кубаево, то спокойно дойдем до Кстова. До него от реки сколько, километра два?

– И толку? По этому ручью не только лодку, задницу свою не протащим. Ты там когда последний раз был?

– У Кудьмы? Вообще ни разу. Хотя нет, как-то проезжал мимо уже после армии.

– И думаешь, за это время речка шире стала? У города еще ничего, а выше по течению твареныши с берега прямо на колени запрыгивать будут. Вот, лучше смотри. – Я отобрал карандаш и показал на левый край карты. – Вот здесь, у Павлова, пологий спуск к воде, к бывшему понтонному мосту. Даже если от него ничего не осталось, то в любом случае можем спокойно выехать к Оке, пересечь в резиновую лодку и спускаться себе до самого Нижнего в свое удовольствие. Даже грести не обязательно. А то можно будет и по окраинам Дзержинска пошарить.

– Он же на другой стороне, – возразил Андрей.

– Да я так, теоретически.

– Ни хрена себе теоретизирование. Там и в мирные-то времена жили одни отморозки.

– А мы с тобой?

– А мы – хорошие отморозки. Правильные.

Вот за что люблю родного сына, так это за логику и умение объяснить любую проблему несколькими простыми словами. Весь в меня.

– Хорошо, договорились, Дзержинск нам на хер не нужен, но вот тут, – я показал почти в самое устье Оки, – Башкировские мельницы.

– Они разве работали?

– Представления не имею. Но если что – прямо напротив, на другом берегу, хлебозавод Любомира Тяна.

– Это который любил первоклассникам портфели дарить?

– Он самый, но не в портфелях дело.

– Но лезть в Канавино... – Андрей задумчиво почесал затылок. – Сожрут.

Понимаю его сомнения. И разделяю. Канавинский район Нижнего Новгорода выходил к реке узкими улочками, где дома дореволюционной постройки с дворами и подворотнями соседствовали с такими же старыми заводами, в большинстве своем неработающими и отданными под склады и микроскопические производства. Успели, правда, проредить трущобы в связи со строительством метромоста и цирка, но вокруг Центрального рынка эти фавелы, почти бразильские, остались в достаточном количестве. Достаточном для того, чтобы отбить охоту туда соваться.

– Значит, будем рассчитывать на мельницы. Тем более там прямо от причала идет галерея, так что в случае чего будем пробиваться по ней.

– А назад? – Кажется, Андрея тоже больше всего волновал этот вопрос.

И что ответить? Мы и раньше не увлекались стратегическим планированием, предпочитая надеяться на удачу и меткость выстрела. Пришли, забрали, ушли. В промежутках между этими действиями – сплошная пальба. А как по-другому? Как спрогнозировать действия тваренышей, если они не умеют «ди эрсте колонне марширен, ди цвайте колонне марширен»? Единственное прогнозируемое действие – бросаться и жрать.

– Определимся как-нибудь с отступлением. Я, во всяком случае, там умирать не собираюсь. В других местах тоже.

Просидели до самого утра, обсуждая детали будущего рейда и составляя список необходимого. Несколько раз за ночь сверху спускалась обеспокоенная громкими голосами Ольга, но, поглядев на наши озабоченные лица, уходила, не сказав ни слова. Привыкла за столько лет, что у мужчин бывают свои игрушки, часто не совместимые с жизнью, но без них этой самой жизни может и не быть. И привыкла ждать. Сначала из Афганистана, из госпиталей, потом из СИЗО, где сидел в предвкушении суда за сломанную челюсть кандидата в депутаты, теперь вот ждет из рейдов уже двоих. Даже троих, если считать ежедневные Ленкины вылазки к озеру.

А список все пополнялся. Кроме штатного, так сказать, повседневного вооружения, в него внесли два автомата, десяток гранат, набор рыболовных крючков с леской и кучу мелочи, включая запасные портянки и пачку презервативов. Последние, правда, не собирались использовать по прямому назначению – в походных условиях нет лучшей тары для хранения зажигалки и спичек. Вот с продуктами решили не заморачиваться, только соли побольше захватить. Будем на воде, а пойманную рыбу можно съесть и сырой. Довольно вкусно, если привыкнуть. Ни разу не приходилось пробовать приготовленную таким образом стерлядку? Порезать крупными кусками, посолить, поперчить, и через пять минут готово к употреблению. Рекомендую. И не нужно говорить про солитеров – «таблетка» из печени твареныша вышибает их вернее любого средства из аптеки. Если бы они были... аптеки.

– Сабли берем? – уточнил Андрей.

– Шашки, – машинально поправил я.

Черт побери, ну сколько можно объяснять очевидную разницу? Именно шашка, классическая, весом около восьмисот граммов, в деревянных ножнах, покрытых лаком из старых запасов. Правда, до той, что давеча подарил дочери, никак не дотягивают. Так ее и ковали больше года, проваривая обрезок стального троса. Ну и ладно, все лучше самых первых рессорных угребищ. А для рубки – самое то. В жилых помещениях не размахнешься, а вот где-нибудь в цехах и коридорах завода...

Заглянул в получившийся список и присвистнул:

– Мы это точно утащим? Зачем тебе спальный мешок? Вычеркивай, лучше еще одну фляжку впиши. Разумеется, в лечебных целях.

– Да чего там тащить? Не пешком же.

Это точно. Что-то я совсем позабыл, отвык, наверное, от машин. Раньше... да что говорить, раньше отсюда до дома за сорок минут добирался. Как шлепнешь по педали газа, и вперед. Единственно плохо было – наша дорога немногим от Военно-Грузинской отличается. Разве что расположением над уровнем моря. Но рельеф примерно такой же. Сколько насмотрелся на лежащие на обочинах фуры, не вписавшиеся в резкий поворот после крутого спуска. Шумиловские водилы из бензиновых караванов именно от этого и несут основные потери – полупустая цистерна на повороте опаснее любого твареныша. Попробуйте налить половину двадцатилитровой канистры и привязать ее к багажнику велосипеда. Гарантирую, ваша езда будет напоминать походку Бори Моисеева на сцене. Надеюсь – покойного Бори Моисеева.

Андрей еще что-то говорил и записывал, но я уже не слышал. Уронил голову на сложенные руки и уснул прямо за столом, не найдя в себе сил добраться до стоящего на кухне старого продавленного дивана. А проснулся оттого, что затрещала полностью прогоревшая свечка. В маленькие, расположенные под самым потолком полуподвала окошки уже вовсю заглядывало солнце. Сын тоже спал сидя, прижавшись щекой к карте, и кончик его длинного фамильного носа показывал точно на устье Оки. Ну что же, решено, идем на Башкировские мельницы.

Собирались молча. У нас все было обговорено ночью, Ольга не произносила ни слова, стараясь скрыть переживания, Ленка опять обиделась и играла в молчанку, а малышня изо всех сил мешалась под ногами. Но так же тихо и сосредоточенно, как взрослые. Молодцы, эти тоже все в меня, хоть и не родные. Теоретически, а так... мои, конечно же, мои.

И они старались быть полезными. Кому еще придет в голову заделать разбитый выстрелом люк в машине криво отпиленной фанеркой, приколоченной к крыше гвоздями? А что, крепко и надежно, тем более гвозди с внутренней стороны аккуратно загнуты. Андрей, стараясь не рассмеяться во весь голос, выстроил ребят перед «Тойотой» и вынес благодарность, торжественно пожав руку каждому. Вот они, по росту и по возрасту: Сашка, Витька, Сережка и Мишка. Наша машина времени, стартующая в будущее. Какое оно будет? Каким они его сделают? Увидим. И поможем.

– От винта! – Движок мягко заурчал, довольный, что про него не забыли.

– Погодите! – Ольга убежала в дом и почти сразу же вернулась со спящей девочкой на руках. – Всей семьей провожать будем. И встречать точно так же.

– Да вернемся, куда денемся. – Немного смущенный Андрей осторожно погладил малышку кончиками пальцев по щеке. – А имя ей так и не дали. Придумаешь, мам, сама, а?

– Вот еще, – в уголках глаз у Ольги собрались лукавые морщинки. – Твоя дочь, тебе и называть.

– Да я...

– А мы и не торопимся. Приедешь назад, вот и назовешь. Ну ладно, долгие провода – лишние слезы. Езжайте с богом.

У южных ворот нас ждал Валера Сотский. Чуткий человек, бля... Не стал вмешиваться в трогательную семейную сцену, а на выезде из деревни подкараулил и сейчас наверняка вывалит на мою голову очередной геморрой. Но нет, оказалось, что я глубоко ошибаюсь в своей мизантропии. На самом деле люди значительно лучше, чем кажутся.

– Михалыч, – неуверенно начал он. – А может, ну их к чертям собачьим, эти поиски? Распашем по осени еще гектар и отдадим.

– С нашей урожайностью?

– Тогда два.

– Нет, Валер, не получится. Или ты у себя на огороде бензиновую скважину пробурил?

– Нефтяную. Что? А, нет...

– Вот и хрен-то.

Сотский тяжело вздохнул и вытащил из кармана фляжку. Обычную плоскую фляжку из нержавейки, только с двух сторон на ней были наварены аккуратные заплаты.

– Возьми.

– Да у нас есть.

– Бери, говорю. Она у меня заветная – в девяносто пятом жизнь спасла.

Надо же, три года с человеком знаком, а только сейчас узнал, что он воевал. Ногу-то уже здесь потерял, когда началась гангрена после сильного обморожения. Валера сопровождал рыбаков, проверяющих сети подо льдом, и провалился в прорубь – твареныши наседали, и оглядываться было просто некогда. А потом четыре часа при крещенском морозе. Был бы еще кто-то из взрослых – заставили бы бежать бегом до деревни. А так... Не мог он оставить детей одних, пусть даже и вооруженных, но детей.

– Спасибо.

– Да ладно, – Сотский отвернулся и махнул рукой. – Езжайте.

Глава 4

– А ты знаешь, мне такая жизнь нравится. – Я покрутил головой, так как в затылок упирался нос резиновой лодки, прямо в накачанном виде втиснутой в салон. – И не нужно по утрам на работу рано просыпаться.

– Правильно, – согласился Андрей, до Нашествия успевший потрудиться техником у интернет-провайдера. – Просыпаться не нужно – твареныши придут и сами разбудят.

– Не в том смысле. – Идиллическая пастораль пейзажа располагала к философии. – Гонки нет. Бессмысленной гонки за всем и вся. Видел себя со стороны?

– Каким образом? И что там не так?

– Да все. Даже походка изменилась.

Так оно и было, мы стали другими, неторопливыми, что ли. Мягкий плавный шаг и размеренные движения. Нет, не медленные – исчезла суетливость и резкость. Именно они в первую очередь провоцировали тваренышей на нападение. Так, наверное, таежные охотники ходили. Настоящие, которые за соболем и куницей, а не те, что волков через флажки или лося на прикормленной полянке.

Андрей неопределенно хмыкнул и промолчал, объезжая лужу, неведомым образом не пересыхающую в самую жаркую погоду. Грунтовка петляла по полям, и до насыпи с асфальтом оставалось еще метров пятьсот. Самый опасный участок, особенно когда передвигаешься здесь на своих двоих. С одной стороны лес выходит почти к самой дороге, а с другой – пригорок, поросший высоким кустарником. Вчера было тихо, только уже в самом конце встретили звериную тройку, а сегодня кто знает...

Тут же, в подтверждение опасений, мелькнула серая тень, и в лобовое стекло ударился крупный твареныш. Зацепился за верхнюю кромку капота и оскалил пасть. Вот же... Бум... еще один прыгнул справа, целясь в чуть приоткрытое окошко, но промахнулся и расплющил морду в нескольких сантиметрах от моего лица. Третий шкрябал когтями по крыше – даже не представляю, за что он там держался.

– Ну что, началось веселье? – Андрей сдвинул рычажок на рулевой колонке. Заработавшие дворники треснули зверушку по носу, и он, недовольно заурчав, вцепился зубами. Еще щелчок – теперь твареныша мотало по всему лобовику с большой скоростью. – Настырный какой, скотина!

– Сейчас я его сшибу!

Но не тут-то было. Стоило мне только еще чуть опустить стекло, как в него сверху сразу же просунулась когтистая лапа. Я ткнул в кнопку, закрывая окошко, и в ответ услышал визг. Что, сука, не понравилось? А если ножом? Ну вот, почти новую куртку кровью заляпал. Но зато твареныш упал на дорогу, кувыркнувшись несколько раз. А первого все колотило задницей по капоту. Черт. Где же последний, который промахнулся? Акела хренов.

Бросаю взгляд в боковое зеркало. Он там, на дороге, ухватил за загривок трехлапого коллегу и волоком тащит в сторону кустов. Съест или по другой части употребит? Хотя вряд ли, у всех ранее виденных половые органы отсутствовали. Так... что-то вроде клоаки с единственным отверстием на все надобности. Значит, сожрет – взаимовыручку звери не практиковали. Стоп, а у озера вчера? Неужели умнеют? Вот только этого и не хватало.

– Останови! – Тормоза схватили намертво, и висящего на дворнике твареныша выбросило вперед.

Я выскочил из машины и вlepил в него заряд дроби. Бабах! Это с другой стороны Андрей лупит по отступающим. От выстрела с десяти метров обоих снесло с грунтовки на обочину.

– Пап, проверим?

– Да ну их на хер!

Действительно, лучше нарушить наши неписанные правила и оставить за спиной недобитков, чем рисковать дожидаться сбора стаи. И так, как думается, соберем за собой изрядный хвост. Нужно будет попросить Гусей-номерных немного проредить сопровождение у Грудцино. Все равно поедем по их бывшей центральной улице мимо КПП. А потом через Ворсму... Только бы там не было никаких сюрпризов в виде упавших на проезжую часть столбов, которые и в мирное-то время валились под грузом честно отработанных десятилетий. Не удивлюсь, если первые лампочки Ильича именно от них и запитывали. Советская власть виновата, не иначе.

Ладно. Поехали дальше, а то меня с философии на политику перекинуло. Ну, слава богу, политика теперь стала объектом изучения историков далекого будущего. То, что сейчас, это не она. Это обычное выживание и взаимовыгодное сосуществование. Или их попытки.

А вот и Фроловское показалось. Машина спустилась с одной горки, бодро прокатилась по мостику через ручей и пошла вверх, в следующую горку. Еще два поворота, и церковь с правой стороны, около которой вчера нашли нашу «Тойоту». Вчера... а кажется – не одна неделя прошла.

– Музыку включить? – предложил Андрей. – Пусть нам чего-нибудь спляшут.

– Угу, – согласился я. – Только не тот диск.

– А где я другие найду?

– Подожди, в бардачке гляну.

Так, что здесь есть? Такое, чтобы поритмичнее и потупее, как раз для дороги. Хватит серьезности, достала уже. Но прежний хозяин машины был еще тем эстетом: Битлы, Чайковский, Ванесса Мэй, Фредди Меркьюри, Элтон Джон. Хм... больше половины – пидоры. Но талантливые, заразы, вот чего не отнять. А это, в красной коробочке? Джо Дассен. Надо же, точно такая подборка, как и у меня была когда-то. Ставлю диск, и над нашими полями звучит голос слишком рано умершего шансонье, поющий про поля Елисейские. Париж... нет уже, наверное, праздника, который всегда с тобой. И твареныши давно доели последнего официанта в «Клозери де Лиля». А музыка осталась. Давай, друг, пой! Нельзя стать бессмертным, но в человеческой памяти можно оставаться всегда молодым. У тебя это получилось, теперь наша очередь.

Опять захрипела рация:

– Чертобой, ответьте Птицефабрике.

– Старший слушает.

– Это Гусь-двадцать второй. Вижу джип со стороны Фроловского. Вы?

– Нет, блин, Дед Мороз на Снегурочке. Конечно, мы. Только заезжать не будем, пройдем по главной улице на Ворсму. Если есть хвост – обрубите. Как понял?

– Принято, Чертобой. – В динамике было слышно, как заколотили в обрезок рельса, объявляя тревогу. – Ждем.

– Добро, Двадцать второй, сейчас будем..

КПП промелькнуло слева, со стороны Андрея, и сзади сразу же захлопали выстрелы. Один, второй... два дуплета... еще одиночный. Не так уж и много за нами собралось, видимо, вчера изрядно проредили местное поголовье. Теперь не меньше недели в округе будет более-менее спокойно. Пока набегут на освободившиеся охотничьи угодья. Да и хорошо, сейчас самый сенокос начинается, все чуть-чуть безопаснее.

– Птицефабрика, ответь Чертобою-старшему.

– Я Гусь-двадцать второй.

– Спасибо, ребята.

– Да ладно, Михалыч, сочтемся.

Ну да, на том свете угольками рассчитаемся, если раньше не попадем в желудок к тваренышам. Кстати, а чем они питаются? Вряд ли осталось столько народу, чтобы хватило на про-

корм. И в лесах никого нет. Даже зайцы пропали. И из крупных птиц – разве что водоплавающие. Ни глухаря, ни тетерева, ни куропатки. Скушали? А потом? Не комаров же ловят? Вот было бы здорово, если бы друг друга передавили. Просыпаешься в одно прекрасное утро, а на улице, как и прежде, кошки мяукают, собаки лают, пьяный сосед под забором валяется, жирная рожа с экрана телевизора об успехах экономики рассказывает... Нет, на фиг надо, сосед пусть лежит, а без рожи в ящике как-нибудь обойдусь.

В Ворсму въехали под грустную песню про следы на выпавшем снегу, помните ее в русском переводе? «Снег кружится, летает, летает...» В оригинале лучше, душевнее как-то. Вот промелькнула за окошком больница – наша вчерашняя цель, потом пошли частные дома с заросшими бурьяном палисадниками. В крайнем до самого Нового года, может, чуть больше, жила семья. Категорически отказывающаяся переселяться в Грудцино. Баптисты или адвентисты – не знаю точно, кто именно, но умудрились продержаться два с половиной года без всякого оружия. По весне нашел здесь восемь скелетов, разбросанных в беспорядке по разным комнатам – два больших и шесть маленьких. Во всяком случае, черепов со следами острых зубов было столько.

Мостик через Кишму. Рядом рыжий от ржавчины остов «уазика», въехавшего в киоск и сгоревшего вместе с ним. После моста узкая улица с чуть покосившимися, но вполне добротными домами дореволюционной постройки вела к парку. Маленькому, как и все в этом городке. И тишина. Такое ощущение – твареньши попрятались. Или испугались. Что из фантастики. Или готовят какую-то грандиозную гадость. Тоже маловероятно – ну не могут они...

Память услужливо подсунула картинку из вчерашнего боя у озера – два десятка зверьков целеустремленно и, главное, вполне осмысленно строят плот из веток. Нет, ерунда, случайность! Этого не может быть просто потому, что не может быть!

– Вот бя-а-а! – Андрей резко ударил по тормозам, и я чуть было не треснулся башкой в лобовое стекло.

Огромный, в несколько обхватов тополь упал, обламывая под собой ветки, и перегородил дорогу. Сзади тоже послышался треск – второй такой же великан, высотой не меньше девятиэтажки, повалился, отрезая путь к отступлению.

– Вот жопа какая!

– Или две, – поправил я сына.

– Посмотрим! – Андрей зло сплюнул в сторону, прямо в поднятое стекло, и выкрутил руль до упора влево. – Держись!

Машина радостно взревела двигателем, завизжала, выбрасывая колесами асфальто-щебеночное крошево из выбоин. И рванула. Сильный удар заставил клацнуть зубами не хуже любого твареньша... «Тойота» вынесла деревянные ворота в ближайшем заборе и теперь скакала по огороду, собирая кенгурятником бруски сминаемых парников. Пролетели сквозь теплицу (сбитый асбестоцементный столб грохнул на прощание по крыше) и, чуть задев правым бортом угол какого-то сарая, выскочили на параллельную улицу.

– Что это было? – Я дрожащими руками нащупал в кармане заветную флягу и сделал три больших глотка. – Будешь?

– Буду.

– Только закусить нечем.

– Плевать. Закуска, она градус крадет.

Андрей взял емкость и надолго приложился к ней, скосив глаза на дорогу и удерживая руль левой рукой. Надо же, и его нахлобучило – обычно только по большим праздникам позволяет себе рюмочку, да и то не всегда. А тут единым духом граммов двести крепчайшей самогонки выдул и не крякнул. Ну, не совсем самогонки – она ближе к ракии, так как делается из сливы и ячменного солода с небольшим добавлением виноградного сока. Уж что-что, а тех-

нологии приготовления крепких спиртных напитков человечество не потеряет, даже окончательно впад в дикость. Жалко только, ячменя все меньше и меньше. Тот, что вырос самосевом на заброшенных колхозных полях, уже заканчивается, а сеять его мы не можем. Расточительно тратить драгоценный бензин при мизерной урожайности, а пахать на себе как-то не хочется.

– Спасибо. – Сын резко выдохнул и вытер губы рукавом. И замолчал, сосредоточенно глядя на дорогу.

Я тоже такой, и после выпитого становлюсь неразговорчивым и мрачным, будто на похоронах. Наверное, потому до сих пор и не спился – в одиночестве не могу, а в компании не хочу. Трезвенник, блин...

Часы на панели показывали одиннадцать, когда чертовы кривые улочки частного сектора закончились и наконец-то вывели к нормальной асфальтовой дороге. И что самое главное – без приключений вывели.

– Ну что, пап, на юг, как перелетные птицы?

– Ага, и на тапочку!

Машина выскочила на шоссе, и мне даже показалось, что она отряхнулась по-собачьи, скидывая с себя налетевший во время скачек по огородам мусор.

– Споем, или еще по одной?

– Не, я пас. Вот спеть могу. Тебе марш какой или что-нибудь лирическое?

– Гитары нету.

– Обойдусь. – Андрей выключил все еще работающий проигрыватель и набрал полную грудь воздуха: – Абыр... абыр... абырвал...

– Абырвалг?

– Не отвлекай. Абыр... Абырвалась любви струна, и ни звинит типерь ана...

Вот же дал бог голосище! Орал с душой, заменяя громкостью отсутствующий аккомпанемент, и старательно копировал дворовый стиль. И где такой гадости нахватался? Потом было про крылатые качели, прекрасное далёко и резинового ежика с дырочкой в правом боку. На облаках, которые еще и белокрылые лошадки, поперхнулся смехом и глотнул из фляжки, так и оставшейся в руке.

– А ты представь, пап, как мы будем объяснять детям, кто такие лошадки, – и совсем не в тему добавил: – С-с-суки!

Угу... тот самый смех, что сквозь слезы. Потому что практически все живое чуть крупнее мыши осталось только на картинках. За исключением человека, конечно. Эта живучая скотина сама кого угодно переживет. Надеюсь, и тваренышей тоже. Птицы, правда, остались. Мелкие. Еще шумиловцы хвалились уцелевшим свиноматником. Козы у нас и в Грудцино. Вот, пожалуй, и все.

Гадство... сейчас пока живем на старых запасах, только овощи да рыба свои. Остальное – наследие предков. И что будет твориться через пару лет? Заглядывать в будущее – страшно. Даже думать о нем не хочется. Только вот приходится. Пусть через не могу, через бессонные ночи, но приходится. Надо! Вот только как? Я не гений, не вождь, не семи пядей во лбу – обычный старый прапор, в свое время со скандалом изгнанный из строительного института. И все что могу – выживать. В любых условиях... но не строить светлое настоящее.

Но ведь не помню же ни фиги! Даже школьный курс физики. Единственное радует – учителей у нас и без меня в избытке. Как-то так оказалось. Или образовалось само собой. Порой ощущаю себя рабоче-крестьянским разведчиком в штабе интеллигентской армии. Количество умников на один квадратный метр деревни значительно превышает численность просто умных людей. Причем, как только чуть перестали пухнуть с голодухи, так каждый в обязательном порядке выдал проект возрождения цивилизации. Это в первый год. Теперь планы спасения человечества выдвигаются ежеквартально. Каждым!

Тем временем Андрей убавил громкость, но продолжал напевать вполголоса. Я прислушался:

Нет мудрее и прекрасней
Средства от тревог,
Чем ночная песня шин.
Длинной-длинной серой нитью
Стоптаных дорог
Штопаем ранения души.

А дорога летела под колеса сама – пустынная, свежееотремонтированная перед самым Нашествием. И ей абсолютно наплевать на чьи-то там переживания и страхи. Ее дело – просто быть. Начинаться, заканчиваться, куда-нибудь приводить. Кто там едет, министр ли, олигарх или запойный тракторист – безразлично. Она – дорога, все остальные – козлы.

Вот и Павлово показалось – вдалеке торчат трубы автобусного завода. И снова пошли домики частного сектора. Их особенно больно видеть заброшенными, с темными провалами выбитых окон. Странная особенность стекол – бьются даже при полном безлюдье. Сами собой? Ну некому же их здесь расколотить. И тем не менее... мистика с полтергейстами.

В боковом зеркале что-то промелькнуло, и я обернулся, чтобы получше разглядеть это «что-то». Только резиновая лодка в салоне загородила весь обзор, пришлось высовывать голову из окна. Проклятье, лучше бы этого не делал, так оно спокойней – за машиной летела большая стая тваренышей. В смысле, бежала, но с такой скоростью, что на первый взгляд разницы и нет. Быстрые, целеустремленные и, скорее всего, очень голодные, они преследовали нас, совсем немного отставая. Метров на сто, не больше.

– Андрюш, на хвосте погоню ведем.

– Сколько?

– Не считал. Или тебе примерно, в сотнях?

Андрей поправил зеркальце и со знанием предмета громко выматерился. Потом, чуть помолчав, спросил, не требуя ответа:

– И где же мы этих блядей подцепили? Десять минут назад никого не было, я смотрел.

И я смотрел, а толку? Остается одно – давить на газ и постараться как можно раньше добраться до Оки. Там заедем прямо в воду, и хер с ними, пусть скачут по пляжу и щелкают зубами до морковкина заговенья. Дно рядом с наплавным мостом твердое и достаточно мелкое, на десяти метрах от берега только по пояс, если не меньше. Жалко, что «Тойоту» придется бросить. Да ладно, перетерпим и эту потерю. Мелочи...

Но повернуть на дорогу, ведущую к реке, нам не дали – вдруг прямо на перекрестке обнаружилась стена, сложенная из бетонных блоков и мешков с песком. Она перегораживала улицу от угла одного дома до другого и не имела даже намека на калитку. Люди? Откуда, к ебням собачьим, люди? Их не должно здесь быть! Насколько знаю, в крупных городах жизни нет. Имеется в виду – человеческой жизни.

Но в опровержение моих мыслей из амбразуры ударил крупнокалиберный пулемет. Предупреждающе, с большим упреждением. Но все равно неприятно, когда двенадцатимиллиметровые пули чертят ограничительную линию на асфальте. М-да... в аналогичной ситуации я поступил бы точно так же. Пусть гости едут с самыми добрыми намерениями, но вот сопровождение несколько... э-э-э... компрометирующее. Так что если и есть здесь ворота, нас все равно не пустят.

– Разворачивайся!

– А я что делаю? – Машину протащило юзом и крепко приложило правой стороной о металлический заборчик. – Вот бля...

– Не переверни. – Я потрогал ушибленную о дверку голову. – Сматываемся!

– Прорвемся, хуле... – Андрей газанул и въехал в догнавшую автомобиль стаю.

Не знаю, может быть, со стороны это столкновение и выглядело красивым, но изнутри смотрелось довольно противно. Брызнувшая в стороны кровь, вылетающие из-под колес кишки, беснующиеся перед самым носом мерзкие хари... Или это предубеждение, насчет мерзости? Кто-то ведь находит особую прелесть в кошках и домашних крысах? А тут их помесь, правда, немного увеличенная в размерах. И агрессивная.

Твареныши лезли со всех сторон, не считаясь с потерями, и машина почти потеряла скорость. Отлетели оторванные дворники, сзади слышалось шипение прокушенной запаски... уроды. Не дай бог теперь остановиться – кто-то из зверей забрался на крышу и пытался поддеть когтями приколотенную вместо люка фанерку. Сильный удар... лобовое стекло пошло длинными стрелками трещин.

– Андрей, жми!

– Да жму, жму...

«Тойоту» мотало на скользком от крови и раздавленных тварей асфальте. Бля, сколько же их тут собралось? Тысяча, полторы?

– Давай на Большое Давыдово!

– Куда, пальцем покажи!

– Вправо, на грунтовку!

– Там же овраги.

– Похер, проедем.

– А если махнуть на...

Договорить Андрей не успел – прямо перед нами начала заваливаться на дорогу большая береза, не оставляя возможности выбора. Да что же за приключения на мою задницу? Не хочу! Я мирный семейный человек, а не трахнутый, пардон, на всю башку Рембо. Надоело героичество. Так что отступление – вот самый надежный путь к победе.

Мы прорвались, ей-богу, прорвались! Машина, полностью заляпанная грязью из овражных ручьев, выбралась на трассу чуть южнее Павлова. И как только не перевернулись на косогорах... лучше не вспоминать. Очко, оно не железное, особенно когда колеса с одной стороны отрываются от земли, а спереди почти ничего не видно из-за забрызгавшей лобовик жидкой глины вперемешку с кровавыми потеками. Твареныши не отстали – наоборот, с упорством, достойным баранов, продолжали долбиться в стекла и царапать крышу, воспользовавшись небольшой скоростью. Но на асфальте опять отстали. Интересно, у них гепардов в родне не было?

– Пап, дальше куда? – спросил Андрей.

– Давай на Чулково свернем.

– Там берег высокий.

– Нам же не подниматься на него. Вот он, поворот!

Промелькнул упавший указатель с названием деревни. Да и неважно оно, это название. Останавливаться и фотографироваться на память все равно не собираемся. Сколько их осталось позади, пустых деревень, и сколько еще будет впереди. Интересовало другое, только вот обстановка никак не располагала к разговорам. И все же спросил:

– И что за сволочи в Павлово окопались?

Сын пожал плечами в ответ:

– Да кто их знает. Но вручную такую стену не сложить. Значит?

– Значит, там много народу и есть техника. Но это понятно, все-таки в городе не проблема найти автокран. Только чем питаются?

– Нашли «закрома Родины»?

А что, вполне может быть. Насколько знаю, склады Госрезерва любили размещать поблизости от таких вот маленьких городишек, но недалеко от областных центров. Эх, сейчас бы покопаться в соответствующих документах, только где теперь их искать. Теоретически... теоретически, конечно, знаю где, но ходу туда нет. Но если предположить, что кто-то неизвестный получил доступ к информации, то складывается интересная картинка. Но пока странная, кусочками, как портрет Председателя, рассматриваемый принцем Флоризелем.

Новый центр цивилизации? Возможно. Но возможно и другое – не отсюда ли делают вылазки мародеры? Мы с ними сталкиваемся редко, но набеги на Грудцино совершаются регулярно. Шрамы на моей морде – как раз результат одного из них. Зашел в гости, пришлось немного помочь по-соседски. Жаль только, что до сих пор не удалось никого захватить живым. Один раз взяли раненого, но его тут же забили прикладами местные женщины. И было за что. До допроса не дожил. Или павловские жители ни при чем? Как бы то ни было, нужно после рейда сюда наведаться и поговорить. Вдруг окажемся друг другу полезными? Если, конечно, не пошлют в пешее сексуальное путешествие. Я бы послал.

– Пап, погляди, не отстают? – попросил Андрей.

Зеркала у нас с обеих сторон то ли сшибли, то ли отгрызли – пришлось опять высовываться в окошко. Нет, пиздуют следом, никуда не делись. До чего же настырные, видимо, желание скушать на обед таких двух вкусняшек стало настолько сильным, что превратилось в смысл жизни. Оголодали, бедолаги. Ну, тут уж ничем помочь не могу.

– На месте, и меньше вроде не стало.

– Хреново.

– Не то слово. Ну что, я полез готовить лодку?

– Давай, – кивнул сын.

Вот теперь бы пробраться дальше в салон. «Круизер», конечно, просторная лайба, но когда сзади загружен этот надутый зеленый презерватив, то становится несколько тесновато. И спинку сиденья откинуть не могу – мешается, сцуко. Но кое-как все же протиснулся. Вся поклажа уже внутри, осталось только положить ружья с патронташами. И бронежилеты, потому что плавать в них несколько неудобно. Ведь поначалу планировали заехать в реку на мелководье и там спокойно выгружаться, но сейчас ситуация изменилась. Скорее всего, придется вытолкнуть лодку из открытой задней двери и самим изображать храбрых боевых пловцов. Ничего, вынырнем. Мы люди хоть и хорошие, но тоже не тонем.

– Въезжаем в Чулково, – предупредил Андрей.

– Отлично, давай мимо конюшен и направо. А я тут небольшой сюрприз тваренышам сделаю.

Осторожно, на несколько миллиметров, лишь бы выглянуть, приоткрываю дверку. Стекло густо заляпано грязью. Никто вроде бы сзади не прицепился. Ага, вот и белые домики под зеленой металлочерепицей – конно-спортивный комплекс. Сейчас будет поворот, и нас прикроет угол кирпичного дома. Совсем немного осталось... теперь пора! Ну, господа благодетели! По асфальту запрыгали две гранаты, для пушного эффекта оклеенные старыми шурупами и ржавыми гвоздями.

Бум! Бум! Самих взрывов не увидел, да и их результатов тоже. Не до того было – «Тойота» уже летела вниз с крутого и высокого, метров в двести, берега. Кажется, Андрей срезал все повороты извилистого спуска, потому что трясло невероятно, и даже ругаться было невозможно без риска откусить язык. Что-то громко треснуло под колесами.

– Открывай!

– Уже!

Мы влетели в реку, подняв брызги чуть не до самого неба, и от удара меня выбросило вперед, на спинку пассажирского сиденья. Оно возмущенно хрустнуло и сложилось.

– Пап, выталкивай!

Вода уже в салоне, а задница машины только в метре от берега. Глубоко, бля! Бью ногой, одновременно пытаюсь встать хотя бы на четвереньки. Капот полностью погрузился, Андрей успел стащить бронежилет и забросить его на дно лодки. Уперся руками, помогая выталкивать. Мы туда что, кирпичей нагрузили? Еще толчок... готово... Гадство, и зачем вода такая мокрая?

Глава 5

Хорошие у нас места, красивые и воздушные. Классический среднерусский пейзаж, достойный кисти великого Левитана. Жаль только, что в свое время сам Левитан оказался не достоин этих пейзажей и с лицом, набитым злыми чулковскими мужиками, отправился живописать другие местности, более благоприятные для организма. И мир так и не ахнул в восхищении от великолепия заливных лугов, пойменных озер с прозрачной водой и распускающимися к ночи лилиями, выходящих прямо к Оке кромкой заповедных Мещерских лесов. Жалко, да. Но прекрасно понимаю чувства художника – мы тоже в спешке покидали оказавшееся негостеприимным Чулково. Но вместо толпы разъяренных крестьян на узкой полоске песчаного пляжа бесновалась Стая. Стая с большой буквы, потому что производила впечатление единого организма с единственной целью в жизни – скушать двух безбашенных путешественников, вторгнувшихся на чужую территорию без визы и разрешения. Уроды! Или это уже говорил и сейчас повторяюсь?

Я налегал на весла, стремясь к противоположному берегу, казавшемуся более безопасным. Вероятно, обманчивое чувство, ну и пусть, но на душе все равно спокойнее. «Спокойствие, только спокойствие!» – так говорил товарищ Карлсон, а его мнению можно доверять. Знал, свинья летающая, толк в тонком деле сбережения собственных нервов. Пригодятся еще.

И тишина какая... В старые времена, помнится, здесь не протолкнуться было от снующих туда-сюда разномастных судов. Спокойнее стало только с начала девяностых, когда пассажирское судоходство на Оке умерло вместе с Советским Союзом. Пропали мешающие расцвету демократии «Ракеты», «Метеоры» и «Восходы» – проклятое наследие не менее проклятого прошлого. И правильно, нехера мешать победной поступи либеральных ценностей, торжественным маршем шагающих по трупам умерших деревень.

Да, опять повторяюсь, тишина... Так плыл бы и плыл до самого Каспийского моря, изредка забрасывая спиннинг. Кстати, а почему бы и нет?

– Андрюш, ты как насчет обеда?

– Только за! – поддержал сын. – Что у нас сегодня в меню?

Вопрос риторический, кроме соли, в запасах только репчатый лук и большой пакет с картофельными оладьями, они же драники. Это вместо хлеба.

– Что-нибудь поймаем. Займешься?

– Ага, коробочку из сидора достань.

Я отпустил весла и передал Андрею весь рюкзак – сам упаковывал, сам и разберется. Он развязал тесемки и вытащил свое сокровище – намотанную на кусок пенопласта леску с крючками на поводках и воблером на конце. Там же оказался запас червей в старой брезентовой рукавице. Вот опарышей нет – мухи почему-то брезговали садиться на тушки тваренышей и размножались исключительно в выгребных ямах сортиров. Но копать там, добывая наживку, как-то не комильфо.

Поплавок, почти понтон, плыл рядом с лодкой, удерживая крючки у самого дна, и оставалось только дожидаться поклевки. Ловись, рыбка, больша да велика! Пока же можно чуть-чуть подогреть аппетит глотком-другим целебного настоя.

– Ты флягу не потерял? Которую Сотский давал?

– Обижаешь. – Андрей ловким движением фокусника предъявил искомое и вытащил из кармана серебряную с чернью рюмку – память о Ворсменском краеведческом музее.

Пили по очереди, закусывая ненавистными оладьями. Хорошо, ей-богу хорошо! Как в старые добрые времена, когда ранним утром над водой поднимается туман и не дает резвиться вездесущим и суетливым моторкам. Вот и сейчас кажется, что они выскочат из-за ближайшего

островка с водным лыжником в оранжевом жилете на привязи и разрушат идиллию. А не они ли гудят? Вот и Андрей закрутил головой, прислушиваясь:

- Пап, это не мотор?
- Или Валера самогон на мухоморах настаивал.
- Я серьезно.
- Глюки это. Нервные.
- А это? – Сын показал фляжкой мне за спину.

Медленно обернулся – в нашу сторону мчался, хлопая днищем по мелкой волне, дюралевый «Прогресс» под двумя моторами. А в нем – четыре вооруженных помповыми ружьями человека. Если глюк, то слишком уж качественный.

– Добро пожаловать в Павловское княжество, путники! – Один из тех, кто был в катере, привстал и отвесил поклон. – Мы всегда рады добрым гостям!

Ага, рад он... как будто не вижу недовольную гримасу, перекосившую морду. Но слова приветливые – явно читает давно заученный текст. И вообще вся четверка производит странное впечатление – конические шлемы, алюминиевые кольчуги поверх бронежилетов, красные сапоги (наверняка с загнутыми носами, не вижу отсюда), бородатые лица. Ролевики, бля, ряженные. Не хватает только щитов и мечей. У одного, правда, на поясе резиновая дубинка и футляр с наручниками. Красавец, ему только еще погоны с тремя маленькими звездочками, и будет вылитый бывший участковый из Грудцино.

– Здравствуйте! – Я изобразил как можно более глупую улыбку. Глупые всегда выглядят безопаснее. – А мы вот тут на лодке катаемся, рыбку ловим...

– И вам подобра! – Старший из бородачей явно не желал выслушивать объяснений. – Попрошу сдать оружие.

Он что, шутит? Даже ночью двустволка всегда стоит у кровати на расстоянии вытянутой руки. Легче без трусов пройти по деревне, чем остаться безоружным. Послать в задницу с такими предложениями? Вряд ли прокатит – на вид ребята серьезные и уговаривать не будут, просто долбанут в надувной борт, и корми рыбок, Николай Михалыч. Тот, что на участкового похож, готов выстрелить хоть сейчас. Неприятный тип.

– Ну? – Старший изобразил стволом вопрос.

Бля, неприятно находиться по другую сторону мушки. Неуютно как-то. В знак согласия выставляю вперед пустые ладони:

- Да какие проблемы, командир? Конечно, все сдадим.
- Сотник, – поправил бородач.

Опс, да тут настоящее Средневековье! А что у него за ошейник, уж не гривна ли серебряная? Она самая. Для полного соответствия образу только красного плаща не хватает. Или по должности еще не положено? Вот попадалово... Одно утешает – если играют всерьез, с полным погружением в эпоху, то сразу расстрелять не должны.

Под внимательными взглядами перегружаем арсенал в катер. Даже пришлось вывернуть карманы и вытряхнуть на дно лодки содержимое двух рюкзаков – все прошмонали, собаки бешеные. «Участковый», буду звать его так, откинул край свертка, в котором были наши пашки, вытащил одну из ножен и застыл в немом восхищении:

– Лепо!

Вот же... и язык коверкают. Интересно, кто такой их князь, если не только собрал людей, но и убедил, а может, и заставил погрузиться в прошлое настолько, что даже в неконтролируемо брошенном слове чувствуется намертво вбитое в подсознание... И это всего за три года с начала Нашествия. Я так не умею, мне легче пристрелить человека, чем уговорить.

Значит, что имеем? Некто, пусть будет «князь», контролирует целый город, очищенный от тваренышей, и кусок реки. Павлово обнесено стеной, причем охраняемой. Люди не бедствуют, сытые морды четверых в катере тому подтверждением. Имеют доступ к бензохрани-

лицу или сами делают биотопливо из рапсового масла и спирта. Приходилось слышать про такие технологии, и были задумки, но не с нашими возможностями их осуществить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.